

АРХИМАНДРИТ ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ)

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ БЕЖЕЦКОЙ ЕПАРХИИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ БЕЖЕЦК 2022

Издание второе, дополненное

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС Р22-146-3634

Печатается по благословению Преосвященнейшего Филарета, епископа Бежецкого и Весьегонского

Ответственный за издание: протоиерей Анатолий Симора

© Архимандрит Дамаскин (Орловский). 2022

© Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». 2022

ISBN 978-5-903535-37-8

ревняя земля Бежецкого Верха прославлена подвигами множества святых угодников Божиих. Тех, которые явили образ праведника несколько столетий назад, и тех, кто своим житием засвидетельствовал истину веры Христовой в лихолетье двадцатого века. Многие из них свою верность Евангелию запечатлели мученической кровью... Несмотря на лишения и испытания, они до конца остались преданными Церкви Божией, удостоившись быть наследниками Царства Небесного и предстоять пред престолом Всевышнего. И ныне молитвенный покров целого сонма святых новомучеников и исповедников простирается над нашей землею, нашим народом, над каждым из нас.

«Дивен Бог во святых Своих» (Пс. 67, 36). Эти слова Псалмопевца утверждают в наших сердцах особое благоговение и почитание тех, кто на поприще духовного подвига стяжал благодать Святого Духа и достиг святости. Благодатная незримая связь торжествующей Церкви небесной и воинствующей земной Церкви дает каждому христианину радость молитвенного общения со святыми. По их ходатайству Всещедрый Господь удостаивает живущих на земле Своей милости.

К святости призван каждый христианин. Без стремления к святости невозможно спасение. Жития святых новомучеников и исповедников имеют исключительное значение для нашей жизни во Христе, для дела спасения каждого из нас. Они являют современному миру подлинный пример исполнения евангельских заповедей и твердого стояния в вере. В день сегодняшний, когда в сердцах множества людей вера оскудела и традиции Святого Православия во многом утратились, сохранение памяти этих святых угодников становится важнейшим делом нашей Церкви. Мы призваны знать их имена и подвиги и передавать эти знания нашим ближним, особенно тем, кто пока еще находится вне спасительной ограды Православной Церкви. Это послужит действенным средством проповеди и утверждения верных чад Церкви.

Филарет, епископ Бежецкий и Весьегонский

16 (29) декабря

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРКАДИЙ (ОСТАЛЬСКИЙ), ЕПИСКОП БЕЖЕЦКИЙ, ВИКАРИЙ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ

вященномученик Аркадий родился в апреле 1888 года в селе Яковицы Житомирского уезда Волынской губернии в семье священника Иосифа Остальского. Родители будущего святителя, священник Иосиф и его супруга София, жили поначалу в одном из сел

в окрестностях Житомира, но впоследствии переехали в Житомир, куда перевели служить о. Иосифа. У них было два сына и дочь, которая умерла в возрасте трех лет. Семья была небогата – в Житомире они жили в небольшом доме из трех маленьких комнат, крытом соломой.

Аркадий окончил Волынскую духовную семинарию, а затем, в 1910 году, Киевскую духовную академию. Надо было выбирать дальнейший жизненный путь. Он еще юношей мечтал о монашестве, мечтал отдать свою жизнь служению Богу, не разделяя это служение ни с чем земным, но родители желали видеть его женатым, семейным священником, и Аркадий выказал послушание воле родителей и женился. Однако этот брак оказался неудачным. Сразу же после окончания академии Аркадий Остальский был назначен помощником епархиального миссионера и на этом поприще проявил себя энергичным и ревностным деятелем. Впечатления о некоторых своих поездках и суждения относительно сектантов на Волыни он опубликовал в отчетах, напечатанных в епархиальных ведомостях.

В 1911 году Аркадий Остальский был рукоположен в сан священника к Староконстантиновскому собору при оставлении в должности епархиального миссионера – церковном послушании, которое он нес с великой ревностью до самого начала Отечественной войны 1914 года, когда вместе с народом и паствой он разделил все тяготы походной жизни и войны, став военным священником в 408-м Кузнецком пехотном полку.

В 1917 году о. Аркадий вернулся в Житомир и служил сначала в храме преподобного Серафима Саровского, а затем в Николаевской церкви. К этому времени относится его энергичная церковная деятельность в Житомире. Он стал неутомимым проповедником православия: за различными богослужениями ему в то время приходилось говорить по нескольку проповедей в день. За свои вдохновенные проповеди он получил от современников прозвание Златоустого.

На Волыни после революции началась гражданская война. Город Житомир заняли враждующие войска, и большинство населения бедствовало.

По благословению святого епископа Фаддея, бывшего в то время епархиальным архиереем, о. Аркадий организовал при своем приходском храме Свято-Николаевское братство, которое оказывало помощь всем нуждающимся и больным, хоронило умерших, не имевших близких и родственни-

믮

ков. Отец Аркадий сам руководил деятельностью братства и поименно помнил всех больных, которых оно опекало, и, бывало, не раз спрашивал, кто дежурит сегодня у такой-то немощной, кто понесет такой-то обед.

Воспитывая членов братства в духе ревностного христианского служения, о. Аркадий вместе с ними предпринимал долгие пешие паломничества к православным святыням, в частности в Киев. Дорогой они пели акафисты и церковные песнопения. Это были крестные ходы, которые проходили более двухсот километров, когда паломники останавливались помолиться у святынь, встречавшихся им на пути. Это были паломничества в кругу и среди верующего народа, которые укрепляли волю и веру, в чем многие тогда, оказавшись среди испытаний и государственной разрухи, особенно нуждались. В конце концов Свято-Николаевское братство получило такую известность, что в Житомир стали приезжать люди из других городов. Из Киева пожаловали графиня Наталья Ивановна Оржевская и ее племянница княжна Наталья Сергеевна Шаховская, принявшие деятельное участие в делах братства.

Отец Аркадий не только других побуждал к нищелюбию и жертвенности, но и сам показывал пример этой жертвенности и крайнего нестяжания. Близкие, зная, что он нуждается и не имеет средств, сшили ему шубу. Эту шубу он надел всего раза два, а затем она внезапно исчезла. Оказалось, что он отдал ее бедной вдове, у которой было двое больных туберкулезом детей. Когда мать священника, Софья Павловна, спросила его, где шуба, он ответил, что она висит в алтаре. Но затем и в церкви поинтересовались, куда делась шуба, и о. Аркадий вынужден был со смущением ответить: «Она висит там, где нужно». Однажды он вышел из Житомира в сапогах, а в Киев пришел уже в лаптях. Оказалось, что ему на пути встретился какой-то бедняк, и они поменялись обувью. В другой раз о. Аркадий отдал какому-то неимущему брюки и остался в нижнем белье, а чтобы этого не было видно, зашил впереди подрясник, чтобы полы не распахивались.

Зная его милосердие и мягкосердечность, к нему с просьбами подходили и недостойные люди, пытавшиеся обмануть пастыря. Как-то сшили о. Аркадию красивый подрясник, который у него выпросил горький пьяница, прикинувшись бедняком. Через некоторое время духовные дети священника увидели этого пьяницу продающим подрясник о. Аркадия, и им пришлось выкупить его и отдать владельцу.

У о. Аркадия не было почти никаких личных вещей и ничего ценного. В его комнате стояла только самая необходимая мебель. И однажды, вспомнив о ком-то из нуждающихся в материальной помощи, он зашел в комнату матери, Софьи Павловны, и, взглянув на висящий на стене ковер, осторожно спросил: – Этот ковер наш?

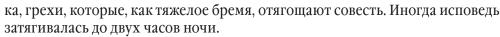
– Наш, но не твой, – ответила Софья Павловна, поняв, что он хочет его комуто отдать.

Отец Аркадий часто служил и всегда исповедовал. На исповеди он никого не торопил, предлагая без стеснения назвать то, что мучает душу челове-

Активная деятельность священника обратила на себя внимание безбожных властей, и если он не был арестован сразу, то лишь потому, что на Волыни шла гражданская война и область наряду с большевиками занимали то немцы, то петлюровцы. На Украине в то время была создана раскольничья автокефальная украинская церковь, которую поддерживали националистыпетлюровцы; к ней о. Аркадий относился отрицательно как к организации неканонической и, несмотря на давление петлюровских властей, принуждавших к переходу в раскольничью организацию, стоял непоколебимо в своей верности канонической церкви.

В 1920 году в Житомире утвердились большевики. Весной 1922 года началось изъятие церковных ценностей из храмов Советской России. В Житомире было получено послание Святейшего Патриарха Тихона относительно изъятия ценностей, в котором предлагалось отдавать только те церковные вещи, которые не имели непосредственного употребления в богослужении. По распоряжению Волынского архиерея о. Аркадий огласил послание в церкви. Это явилось достаточным поводом для ареста. Священник Аркадий и его отец, священник Иосиф Остальский, были арестованы и заключены в тюрьму, где о. Иосиф вскоре и умер.

Отец Аркадий был арестован в то время, когда он выходил из храма после окончания божественной литургии. Его и сотрудников ГПУ окружила толпа верующих, которые сделали попытку отстоять пастыря. После этого часть людей была арестована и заключена вместе с ним в Житомирскую тюрьму. Весть об аресте любимого пастыря облетела город, и в тюрьму стали приносить передачи в таком количестве, что их хватало и заключенным, и надзирателям.

Через два дня всем арестованным за защиту священника было предложено освобождение под условием, что они подпишут бумагу, в которой о. Аркадий обвинялся в сопротивлении органам Советской власти и возбуждении против нее народа. Арестованные отказались, написав, что пошли за о. Аркадием по собственной воле, но все же были освобождены.

Вскоре состоялся открытый судебный процесс над священником. Отец Аркадий обвинялся в чтении послания Патриарха Тихона, что суд истолковал как деяние контрреволюционное. На суд было вызвано множество свидетелей. Все они говорили об о. Аркадии как об удивительном пастыре, прекрасном человеке, бессребренике, священнике, который всю свою жизнь посвятил служению Богу и людям. Приводилось множество примеров, характеризующих его доброту и исключительную самоотверженность. Однако прокурор, подводя итог свидетельским показаниям, сказал, что данные характеристики служат не к оправданию священника Аркадия Остальского, а только утяжеляют характер его преступления, показывая в нем человека идейного, убежденного, между тем как проповедуемые священником

религиозные идеи противоречат установкам и идеям ССоветской власти; такие люди, как священник Аркадий Остальский, не только не нужны советскому государству, но и крайне вредны для него.

Суд приговорил о. Аркадия к расстрелу. Рассказывают, что во время чтения обвинительного заключения и приговора о. Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были его разбудить, чтобы сообщить, что он приговорен к смерти. – Ну что ж, – сказал священник, – благодарю Бога за все. Для меня смерть – приобретение.

После суда паства стала хлопотать о смягчении приговора, и он был заменен пятью годами заключения, которое о. Аркадий отбывал в Житомирской тюрьме. В 1924 году власти приняли решение освободить всех тех, кто был приговорен революционными трибуналами по делам об изъятии церковных ценностей, и таким образом о. Аркадий после двух лет заключения был освобожден.

В то время, пока он находился в заключении, его супруга вышла замуж за офицера Красной армии, потребовав после освобождения о. Аркадия из тюрьмы, чтобы он дал ей развод для устроения своей семейной жизни. Детей у них не было, о. Аркадий отдавал все время молитве и церкви и теперь был рад, что Господь разрешил его от этих уз.

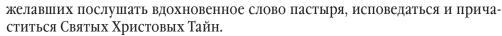
Освободившись из тюрьмы, он поехал помолиться в Дивеевский монастырь и в Саров. В Дивееве его встретила блаженная Мария Ивановна, которая внимательно поглядела на приехавшего помолиться священника и сказала ему: «Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь». В Саровской Успенской пустыни он был пострижен в мантию с оставлением того же имени.

Вернувшись из Сарова в Житомир, иеромонах Аркадий все время стал отдавать братству и усилил молитвенные и аскетические труды; перед ним, как никогда ясно, предначертались смысл и цель христианской жизни – в стяжании Духа Святого и в святости. Он видел, что внешний мир – и государственный, и административно-церковный – беспощадно разрушался врагами Христа и все попытки восстановить его могли оказаться тщетными, и потому для верующих самым надежным оставался узкий путь ко спасению – в исполнении с наивозможной тщательностью заповедей Христовых. Если и раньше он видел это основанием своей пастырской деятельности, то теперь, отрешившись от мира и став монахом, он усилил на этом поприще свои труды. На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: «Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным».

В это время ему по церковным делам часто приходилось бывать в Киеве и в Москве. В Киеве он служил в Никольском монастыре, в Москве останавливался на Валаамском подворье, а служил в Пименовском храме на Новослободской улице. За каждым богослужением о. Аркадий обязательно проповедовал. Его проповеди и исповедь собирали много молящихся,

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведен в сан архимандрита, а 15 сентября того же года в Москве был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Хиротонию возглавлял митрополит Сергий (Страгородский).

Почти сразу после хиротонии, в октябре 1926 года, владыка Аркадий был арестован и выслан в Харьков, куда ГПУ выслало многих выдающихся архиереев и священников украинских епархий. Въезд в епархию, в город Лубны, ему был запрещен, однако епископ все же решил въехать, чтобы отслужить хотя бы пасхальное богослужение.

Духовенство собора было заблаговременно оповещено о приезде назначенного в их город епископа. Приготовившись к пасхальному богослужению, ждали архиерея, но было уже около одиннадцати часов вечера, а о прибытии архипастыря не приходило никаких известий.

Епископ Аркадий выехал в Лубны тайно и перед самым началом пасхальной полунощницы, около половины двенадцатого, вошел в алтарь. Он был в пальто, в темных очках и в этом виде мало походил на епископа. Диакон собора стал прогонять незнакомца, говоря, что они ждут приезда назначенного к ним архиерея и ему совсем не место сейчас в алтаре. Незнакомец попросил вызвать настоятеля, и диакон уступил, и, когда пришел настоятель, епископ Аркадий открылся ему и сказал, что он и есть назначенный к ним архиерей. После объяснений владыка облачился, и началось пасхальное богослужение. Но еще не закончилась служба, как в храме стали появляться представители властей. Дальнейшее пребывание владыки Аркадия в соборе грозило арестом, и он был вынужден скрыться. Это было единственное богослужение в назначенной ему епархии.

Епископ уехал в Новоафонский монастырь на Кавказе, жил в горах, встречался с подвижниками, которые населяли в то время пропасти и ущелья Кавказских хребтов. Но и здесь положение было неспокойным – власти предпринимали всяческие меры к аресту монахов, с помощью охотников выслеживали их, арестовывали и расстреливали. Осознавая, что в любой момент он может быть также убит, епископ носил под подкладкой сапога свою фотографию, чтобы в случае смерти люди могли узнать о его участи. В конце 1920-х годов поднялось новое гонение на Русскую Православную Церковь, начались аресты духовенства и верующих. Скитания и жизнь в тяжелых условиях – то в городах, то в горах – подорвали здоровье епископа, и он заболел плевритом. Болезнь застала его во время приезда в Киев.

В конце зимы 1928 года жившая в Киеве духовная дочь владыки Аркадия отправилась в Лавру, чтобы купить несколько икон. Иеромонах Иеремия, продававший иконы, спросил ее, не знает ли она, где находится епископ Аркадий. Вслед за этим она услышала, что кто-то окликает ее по имени. Оглянувшись, женщина увидела владыку Аркадия. Он был тяжело болен и с трудом пе-

редвигался. Девушка предложила владыке остановиться в ее квартире, где она жила вместе с матерью, а чтобы не стеснять епископа, она на это время перешла жить к подруге, навещая владыку для оказания ему врачебной помощи. В этом доме епископ Аркадий прожил три недели и с помощью Божией, благодаря заботе благочестивых женщин, оправился от своих недугов. Но оставаться далее в Киеве или ехать на Кавказ он уже не решался, предполагая, что его разыскивает ОГПУ и в любой момент он может быть арестован. Он не мог получить места для служения в какой-либо епархии без объяснения с властями и потому решил ехать в Москву и встретиться лично с начальником 6-го отдела ОГПУ Тучковым, к каким бы это ни привело последствиям. 9 мая 1928 года епископ Аркадий был арестован и после допроса он был заключен в Бутырскую тюрьму. 23 июля Коллегия ОГПУ постановила заключить епископа Аркадия в концлагерь сроком на пять лет. 27 июля он был отправлен с партией заключенных в Соловецкий концлагерь. Везли в товарных вагонах. Погода стояла жаркая; вагоны набили таким количеством людей, что сидеть было негде, и потому ехали стоя. Не хватало воздуха; некоторые не выдерживали и умирали в пути. На остановках конвой открывал двери и вытаскивал из вагонов трупы.

12 августа преосвященный Аркадий прибыл в Соловецкий концлагерь и был определен в 11-ю роту на самую тяжелую работу. 10 сентября епископа перевели в 12-ю роту и назначили сторожем, а 16 сентября – в 6-ю роту. Сторожем епископ прослужил до 9 мая 1929 года, когда его снова отправили на общие работы – рытье дренажных колодцев. В июне 1929 года епископа Аркадия отправили на общие работы в Троицкую командировку на остров Анзер.

В лагере епископа помещали то в барак, где большей частью находились уголовники, то туда, где было заключено лишь духовенство, но и на преступников, и на служителей Христовых владыка оказывал благотворное влияние. Лагерному начальству это не нравилось, и потому оно часто переводило епископа с места на место. Находясь в лагере, владыка не только раздавал все, что получал сам от своих духовных детей, но старался, чтобы и духовенство помогало друг другу, дабы никто не оказался в крайних обстоятельствах лишенным поддержки.

В октябре 1930 года епископа Аркадия перевели во 2-ю роту поселка Савватьево, где он получил место сторожа. Здесь старший надзиратель писал о нем: «Поведение хорошее, работу выполняет, так как находится в лагере... среди служителей культа имеет большое влияние, религиозного убеждения». В марте 1931 года епископа снова перевели на общие работы на участок Овсянка, а затем на том же участке он работал сторожем.

В то время на острове еще жили вольные монахи Соловецкого монастыря, которым было разрешено совершать церковную службу сначала в храме преподобного Онуфрия Великого, а после его закрытия – в часовне, расположенной неподалеку от пристани. Поначалу лагерная администрация не смотре-

ла строго на присутствие узников – архиереев и священников на этих богослужениях, но затем, когда монахи были переведены в часовню, она старалась уже не допускать заключенных на эти службы. Благочестие и высокий авторитет среди заключенных и вольных монахов епископа-подвижника все более раздражали лагерное начальство, с огромной ненавистью и непримиримостью относившееся к православным, и оно стало искать повод, чтобы арестовать владыку. Среди заключенных были и такие, кто готов был засвидетельствовать ложь, только бы облегчить свою участь в неволе.

24 января 1931 года заключенный поселка Савватьево, который на воле был начальником отделения милиции, послал в секретную часть лагеря донесение на епископа Аркадия и других священников, прося администрацию вызвать его на допрос, чтобы еще и устно рассказать о духовенстве. Начальство, решив арестовать владыку Аркадия, 9 марта вызвало доносчика, но он мало чем смог дополнить свое лжесвидетельство.

Прошел праздник Введения во храм Пресвятой Девы Богородицы, минули Рождество и Крещение Господни, приближалось Благовещение; в это время лагерные власти решили закрыть доступ в храм священникам-узникам и арестовать епископа Аркадия.

После всенощной под Благовещение помощник старшего надзирателя подал коменданту Кремлевского поселка рапорт, в котором писал: «Доношу, что на основании вашего распоряжения я, прибыв в помещение часовни, занимаемой вольными монахами, обнаружил следующее:

В верхнем помещении часовни проходило богослужение, на котором присутствовало пятнадцать человек, из коих восемь человек заключенных.

Богослужение совершал вольный монах Мошников Ювеналий в полном облачении священнослужителя. Помогал же ему заключенный Травин Константин Павлович, одетый в монашескую мантию; так же был одет и заключенный Остальский Аркадий Осипович. Остальные заключенные стояли в своих одеждах.

Все присутствующие на богослужении мною переписаны, список коих при сем прилагаю. Заключенный Остальский мною задержан и направлен в отдельное помещение. Богослужение мною не прерывалось и по моем уходе продолжалось».

Здесь же был приложен список семи монахов и восьми заключенных. На следующий день уполномоченный секретной части начал допрашивать присутствовавших на службе заключенных и вольных монахов.

14 апреля уполномоченный секретного отдела допросил епископа Аркадия. Владыка сказал: «На службу к вольным монахам на Благовещение я попал не намеренно, а приходил к ушному врачу, но потом задержался и к монахам зашел, чтобы достать у них что-либо съестное, так как я мясной пищи не ем, почему иногда необходимые продукты достаю через них; потом я заходил туда иногда, чтобы исповедаться; всего я с ноября месяца был у них не более пяти раз».

10

18 мая епископ Аркадий был в последний раз вызван на допрос; сначала он диктовал ответы следователю, а потом дописал собственноручно: «С группой священников в поселке Савватьево я никакой связи, кроме случайных встреч, не имел. Также советов им никаких не давал.

На службе у вольных монахов, которая у них была постоянной в своем помещении, я бывал как случайный посетитель, в службе я сам участвовал всего один раз, проповедей я там никаких не читал; о создании кассы взаимопомощи я не говорил и говорить не мог, так как сам у них пользовался продуктами. Виновным себя признаю только в посещении службы вольных монахов – но это я делал, не зная, существует ли запрет.

К вышеизложенному считаю необходимым добавить нижеследующее. В посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в поселок Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но и невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартирах. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929-го и 1930-го годов я провел на острове Анзере, и когда после длинного перерыва пришел в Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; отсюда я понял, что и вход к ним не возбранен, тем более что никто и никогда не объявлял мне запрета на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что все они работают вместе с заключенными и потому находятся в непрерывном с ними общении. Что же касается духовенства, живущего в поселке Савватьево, то мои с ним отношения были таковы: знаком я только с тремя-четырьмя священниками... Со священниками я держался весьма осторожно, не знакомился с ними, ибо слыхал, что большинство их - антисергиевцы (то есть не признающие митрополита Сергия, которому я подчиняюсь) и автокефалисты-украинцы, порвавшие с нами духовное общение в 1919 году. С теми священниками, с которыми я был знаком, отношения наши были весьма поверхностны».

В июле следствие было закончено. Многие священники и миряне были осуждены на дисциплинарные наказания, заключавшиеся в пребывании в штрафном изоляторе, и только дело епископа Аркадия было направлено для рассмотрения в Тройку ОГПУ, которая приговорила его к пяти годам заключения в концлагере. После приговора епископа в качестве наказания перевели на некоторое время на Секирную гору.

По воспоминаниям современников, Секирная гора представляла собой подобие внутренней тюрьмы с самым суровым режимом. Кормили там гнилыми продуктами и то в самом малом количестве. На Секирной горе было два отделения – верхнее и нижнее. Целыми днями заключенные верхнего отделения должны были сидеть на жердочках, не доставая ногами до пола, вплотную друг к другу. На ночь разрешалось лечь на голом каменном полу, и не давали ничего, чем можно было бы укрыться. Заключенных было столько, что спать приходилось всю ночь на одном боку. В зимние месяцы

• БЕЖЕЦК

это превращалось в пытку, так как окна в камере были разбиты. Через некоторое время заключенных из верхнего отделения переводили в нижнее и тогда позволяли работать, но работу давали самую тяжелую.

Отбыв 10 лет заключения, в феврале 1937 года епископ Аркадий прибыл в Москву и был назначен епископом Бежецким, викарием Тверской епархии, но кобязанностям приступить не смог по не зависящим от него обстоятельствам. 22 сентября 1937 года епископ Аркадий был арестован. 17 октября начались допросы. Следователь спросил его:

- Вы, являясь последователем истинной православной церкви, по существу, стали в ряды самой реакционной части духовенства, ведущей борьбу против Советской власти и не признающей таковую. Дайте показания по существу.
- Я являюсь последователем Православной Церкви по своим религиозным убеждениям; политическая же моя программа и отношение к Советской власти основаны на предсмертном завещании Патриарха Тихона от 1925 года, на декларации митрополита Сергия от 1927 года и его интервью от 1930 года.
- В чем выразилось Ваше преступление в 1931 году?
- Мне в лагерях прибавили еще пять лет за контрреволюционную агитацию среди духовенства, но я считаю это неверным. Это кто-то сделал умышленно против меня и целого ряда других лиц.
- Когда Вы вернулись из ссылки и чем занимались до дня ареста?
- Вернулся я из ссылки в феврале 1937 года и ждал от митрополита Сергия назначения на должность. Более четырех месяцев я жил в Касимове, две недели в Калуге, раза три за это время был в Москве, где жил по три-четыре дня.
- Кому из знакомых Вы говорили: «Горю желанием служить Церкви, готов кровь свою пролить за Христа»?
- О том, что я горю желанием служить Церкви, говорил тем лицам, которые меня спрашивали о том, что я намерен делать. Но «желание пролить кровь за Христа» об этом не говорилось. Я горю желанием служить Церкви, то есть совершать богослужение... Я готов быть на должности любого рядового московского священника...

«Свидетели», показаниями которых воспользовалось следствие, говорили: «В начале 1937 года в Москве снова появился епископ Аркадий Остальский, который восстанавливал свои связи. Он зашел и ко мне как к старому знакомому. Я в беседе спросил его, чем он намерен заниматься. На это он ответил: «Я много выстрадал за время пребывания в лагере, но я снова горю желанием работать над укреплением Православной Церкви, разъяснять верующим смысл происходящих событий в жизни русского народа, укреплять веру в народе, хотя бы мне и снова пришлось пострадать за это, я готов на все». Епископ Аркадий в беседе со мной заявлял: «Я как христианин не могу спокойно смотреть на происходящий разгром Православной Церкви и физическое уничтожение веры в народе... Я много страдал за свои убеждения и сейчас готов принять любое наказание, я этого не боюсь, буду снова работать над укреплением Церкви». Дальше Остальский заявил:

«Новая конституция, выборы Верховного Совета так же, как и раньше, направлены против Православной Церкви и верующих. Это все делается показное, для заграницы, а пока есть Советская власть, никаких разговоров о свободе вероисповедания и быть не может. Советская власть насильственными методами насаждает безбожие в народе».

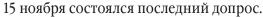
«Остальского я случайно встретил на улице возле Пименовской церкви, где в беседе со мной он заявил: «Приехал в Москву навестить своих духовных детей...» Дальше Остальский сообщил мне: «Правительство взяло курс на уничтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика, это я говорю по следующим урокам: стоит только епископу появиться в деревне и городе, моментально вокруг тебя собирается народ, и как на молитве себя держат верующие, это тоже характерно, тишина, торжественное благоговение, порядок». Остальский мне говорил при встрече: «Я не верю, чтобы русская нация совершенно сошла со сцены, нет. Национальный дух живет в русском народе, и придет время, он себя покажет». Дальше Остальский заявил: «Меня хотят насильно оторвать от Церкви, умышленно не дают места, но я все равно буду работать над укреплением Церкви и веры в народе». Остальский разъезжает по различным городам СССР, где проводит работу по укреплению Церкви».

Следователь настоятельно добивался подтверждения показаний «свидетелей». Преосвященный Аркадий, отвечая на его вопросы, сказал: «В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал вопрос, что необходимо сделать для укрепления Церкви? Я говорил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь. Нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви, и наивысшим средством мы не можем располагать. К этому убеждению я пришел в 1935 году, когда в Соловки прибыл епископ Петр Руднев, который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме. Если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание, с тем чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, что и наши люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с Советской властью какими-то физическими или иными средствами я давно перестал и думать вследствие того переворота, который я лично пережил, и сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает Церковь гибкой для сопротивления против наступающего неверия».

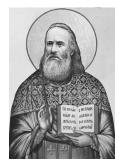

• БЕЖЕЦК

- Ваше отношение к Советской власти? произнес следователь.
- После пятнадцати лет, проведенных в ссылке, на сегодняшний день я остаюсь не согласным с Советской властью по вопросу религии и закрытия церквей.
- Следствие располагает данными, что Вы после отбытия срока наказания вернулись в Москву и возобновили нелегальную контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете?
- Нет, я это не подтверждаю, контрреволюционной деятельностью не занимался.
- Вы даете неверные показания, следствие требует правдивых показаний.
- Свою контрреволюционную деятельность я категорически отрицаю.

В начале декабря следствие было закончено. 7 декабря Тройка НКВД приговорила епископа к расстрелу. Епископ Аркадий был расстрелян 29 декабря 1937 года на полигоне НКВД недалеко от поселка Бутово под Москвой и погребен в общей могиле.

16 (29) августа СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

вященномученик Александр родился в 1893 году в селе Озерово Тихвинского уезда Новгородской губернии в семье священника Николая Соколова. В 1915 году он окончил Новгородскую духовную семинарию и поступил псаломщиком в храм села Ершово Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 1916 году он

был рукоположен в сан диакона к храму села Мороцкого, а через год – в сан священника к храму села Озерово, где прошло его детство, где он воспринял первые навыки церковной жизни и благочестия. В 1924 году о. Александр был переведен в храм села Ершово, где когда-то служил псаломщиком.

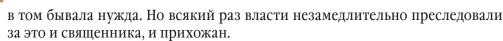
Сразу же по установлении Советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Одна из форм, в которую выливались гонения, выражалась в требовании уплаты непомерных налогов и штрафов, которые в случае с о. Александром были настолько значительны, что, не имея средств заплатить их, священник вынужден был в 1924 году переехать с женой Елизаветой Александровной и тремя маленькими детьми в другое место, в Тверскую область, где он сначала служил в храмах Краснохолмского района, а затем в селе Поречье Молоковского района.

Отец Александр все силы и время отдавал своей пастве. Местные власти запрещали служить молебны на полях и в домах прихожан, однако он, как это было принято до революции, регулярно обходил все деревни прихода. Видя его ревностное служение, паства ответно любила его. Несмотря на гонения и разрушение храмов, на то, что власти постоянно обирали приход и священника, церковь в селе Поречье ремонтировалась всякий раз, когда

14

В 1935 году прихожане покрасили и побелили храм, а оставшуюся от ремонта краску продали школе. Сразу после этого священник и староста были арестованы; священник был обвинен в спекуляции и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

В те годы иногда еще было возможно, если священник не был обвинен в политическом преступлении, доказать свою невиновность. Областной суд, куда дело попало из районного суда, полностью оправдал священника, и о. Александр был освобожден. В то время, когда все, что имело какое-либо отношение к Церкви, безжалостно разрушалось, прихожане о. Александра выстроили вокруг часовни новую кирпичную ограду.

В конце апреля 1937 года председатель сельсовета вызвал в контору о. Александра и потребовал, чтобы он уплатил подоходный налог вперед за следующий квартал, а также аренду за землю, на которой стояли храм и церковные постройки. – Не тратьте зря свои силы, – ответил о. Александр. – Платить я не буду, так как не подошел срок платежей.

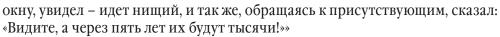
И сказав это, священник сразу же из сельсовета ушел, не желая поддерживать пустой и небезопасный разговор.

Летом 1937 года сотрудники НКВД были оповещены о грядущих арестах всего духовенства и стали собирать о нем данные. Чаще всего вызывались люди, готовые говорить и подтверждать что угодно. Один из таких рассказал сотруднику НКВД об о. Александре, будто тот сомневался в подлинности показаний подсудимых на открытых судебных процессах, где обвиняемые чересчур охотно и гладко очерняли себя и других, а также, что священник, отметив, что в районных магазинах не было хлеба, предположил, что хлеба нет потому, что местные власти дали завышенные цифры об урожайности, а центральные власти, взяв в соответствии со своими нуждами хлеб, постановили, что оставленного (в соответствии с цифрами) будет достаточно, и отказали району в снабжении мукой и зерном.

Обвинить священника было не в чем, и осведомитель решил привести некий анекдот, будто бы рассказанный священником: «Из одной захолустной карельской местности крестьяне направили своего односельчанина к председателю ВЦИК товарищу Калинину узнать, почему сейчас берут во всем ускоренные темпы. В то время, когда этот мужичок пришел во ВЦИК со своим недоуменным вопросом, Калинин был сильно занят. Он подвел мужика к одному окну и, указав на проходящий по улице трамвай, сказал: «Видел, а через пять лет их будут сотни!» Затем подвел мужика к другому окну, где был виден проходивший автомобиль, и сказал: «Видишь, а через пять лет их будут тысячи!» Мужик уехал в деревню, и когда его стали спрашивать о результатах поездки, то он применил точно такой же способ объяснения. Сначала посмотрел в окно, где увидел, что по улице несут покойника, и сказал: «Видите, а через пять лет их будут нести сотни!» Затем, подойдя ко второму

Наступил июль 1937 года. Прошли Петровский пост, праздник апостолов Петра и Павла, память явления иконы Пресвятой Богородицы в Казани, когда стали доходить сведения об арестах священнослужителей. Отцу Александру становилось ясно, что его арестуют, после чего храм подвергнется кощунственному разграблению. И он сложил запасной евхаристический набор в камилавку и спрятал на чердаке храма; туда же положил напрестольный крест, дарохранительницу и лжицу.

27 июля 1937 года сотрудники НКВД арестовали священника и заключили в краснохолмскую тюрьму. Допросили его через три дня. Следователь спросил, чем занимался священник до и после революции. Отец Александр ответил, что до революции он занимался исключительно пастырской деятельностью, а после революции пришлось обзавестись небольшим хозяйством. Времена настали голодные, и подсобное хозяйство стало подспорьем, тем более что на руках была семья, два сына и дочь, все родились после революции, дочь - в 1924 году. Хозяйство было небольшое: дом, амбар, сарай, гумно, баня, одна лошадь, две коровы, пять десятин земли. В 1929 году священнику было дано непосильное задание на сдачу сельскохозяйственных продуктов, и за невыполнение его хозяйство было описано и реквизировано. Сельсовет по обыкновению выдал НКВД справку, где было сказано о необходимости ареста священника, так как он «привлекал на свою сторону отсталое население» и без регистрации в загсе отпевал покойников. «Считаем его социально опасным человеком для местного населения, который заслуживает высылки из местных пределов», - писал председатель сельсовета. 10 августа следователь вновь допросил священника.

- Расскажите, когда и кому Вы рассказывали, как крестьянин посетил председателя ВЦИК товарища Калинина и в чем заключался их разговор о темпах? – спросил его следователь.
- Году в 1935-м, а может быть, в 1934-м, точно я не помню, я шел по селу Поречье, и встретившийся мне около казенки выпивший мужчина стал рассказывать что-то о темпах, но я его слушать не стал и ушел, я лично о разговорах товарища Калинина с крестьянином никому ничего не рассказывал, - ответил о. Александр.
- В чем заключалась Ваша инициатива в постройке ограды вокруг часовни в деревне Степаньково?
- В деревне Степаньково я бывал очень часто, потому что в данной деревне проживает церковная староста, к которой мне по церковным надобностям приходилось часто ходить, но инициативы в постройке ограды у часовни я не проявлял, по чьей инициативе состоялась постройка ограды, мне неизвестно. На этом допрос был окончен. 25 августа Тройка НКВД приговорила о. Александра к расстрелу. Священник Александр Соколов был расстрелян 29 августа 1937 года.

16

10 (23) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВАСИЛИЙ МАЛИНИН

о преданию, Малинины происходят из рода боярина Сороки из Переяславля-Залесского. В XVIII веке они служили священниками в Калязинском уезде Тверской губернии. Первый, о ком известно, был иерей Петр. Его сын Афанасий был священником на том же приходе. Затем приход принял Михаил Афанасьевич.

В 1820 году у него родился сын Василий. Когда ему исполнилось шесть лет, о. Михаил повез его в школу. Дни стояли морозные, ехать пришлось долго, и лицо мальчика стало красным от мороза. Когда учитель спросил, как его зовут, он назвался Сорокиным. «Ну какая же ты сорока? – сказал учитель. – Сорока белая, а ты – малиновый». Учитель был большим оригиналом и записал его Малининым. Это был дед священника Василия Малинина.

Священномученик Василий родился 26 марта 1898 года в селе Васьянское Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника Василия Малинина. Первоначальное образование он получил в Кашинском духовном училище, затем поступил в Тверскую духовную семинарию, которую окончил в 1918 году.

Сознательно выбрав путь священства, который был в то время путем исповедническим, Василий Васильевич в 1921 году был рукоположен в сан иерея к храму в селе Конаково Тверской губернии. У него не имелось ни земли, ни большого хозяйства; все имущество священника и его семьи составляли дом, два козленка и семь кур.

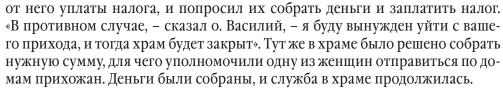
В 1932 году о. Василий был арестован по Указу от 7 августа 1932 года, обвинен в краже колхозной соломы и приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовые лагеря. Дома осталась семья – супруга Антонина Александровна и трое детей: семи, шести и двух лет. Два года проработал священник на каторге в лагере и в 1934 году был досрочно освобожден. Отец Василий вернулся в тот же храм села Конаково, где, к радости прихожан, возобновились богослужения. В мае 1934 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий наградил о. Василия наперсным крестом, и вскоре по распоряжению епископа Бежецкого Григория (Козырева) он был назначен благочинным. Однако это было время, когда повсюду арестовывали священников, храмы оставались без пастырей, число храмов в благочинии сокращалось, и о. Василий в апреле 1936 года направил прошение епископу Григорию с просьбой освободить его от обязанностей благочинного, которая и была удовлетворена.

Местные власти не переставали преследовать пастыря. В марте 1937 года они потребовали, чтобы священник заплатил пятьсот рублей в качестве налога, в противном случае он будет арестован, а церковь закрыта. За богослужением священник обратился к прихожанам, сказав, что власти требуют

Отец Василий за каждым богослужением говорил проповеди, тщательно и подробно растолковывая слово Божие. Он обходил дома своих прихожан, служа молебны и панихиды, соборуя и причащая; особенно это необходимо было для тех, кто жил в дальних деревнях прихода и по болезни или старческой немощи не мог прийти в храм.

5 августа 1937 года о. Василий был арестован.

- Следствие располагает данными, что во время посещения Вами квартир колхозников Вы среди последних проводили антисоветскую противоколхозную агитацию. Подтверждаете Вы это? спросил его следователь.
- Этого я никогда не делал, ответил о. Василий.
- Скажите, кто именно из колхозников высказывал недовольство на малые заработки на трудодни?
- Фамилии я их сейчас назвать не могу, не помню.
- Как Вы смотрите на новый проект Конституции СССР?
- С положительной стороны.
- Следствие располагает данными, что в июне сего года, в праздник Анны Кашинской, Вы и священник Колпецкий высказывались против новой конституции, вернее, проекта новой конституции СССР. Подтверждаете Вы это?
- Нет, этого не было. Священника Колпецкого я не знаю.
- Вы обвиняетесь в том, что, будучи священником, группировали вокруг себя социально чуждый элемент, через который вели антисоветскую работу на развал колхозов, лично сами ходили по квартирам колхозников, среди которых вели антисоветскую, противоколхозную агитацию, высказывались против проекта новой конституции СССР. Признаете себя виновным в этом?
- Виновным себя в вышеуказанном обвинении не признаю. Пусть докажут это свидетели.

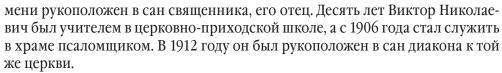
На этом допрос был окончен, и сколько потом ни пытались следователи заставить священника оговорить себя, все было безуспешно. 20 сентября Тройка НКВД приговорила о. Василия к расстрелу. Священник Василий Малинин был расстрелян через два дня, 23 сентября 1937 года.

14 (27) ноября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВИКТОР ИЛЬИНСКИЙ

вященномученик Виктор родился 31 октября 1872 года в селе Кой Кашинского уезда Тверской губернии в семье диакона Николая Ильинского. Он окончил учительские курсы при уездном училище в Новгородской губернии и вернулся в родное село, где служил, будучи к этому вре-

В 1918 году в Центральной России была установлена Советская власть, и сразу же начались гонения на Православную Церковь, убийства священников и мирян. Отец Виктор первый раз был арестован в 1920 году, обвинен в сокрытии излишков хлеба и приговорен к трем месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Из заключения он вернулся в родное село. В 1927 году местные власти, ревнуя о выполнении распоряжений центральных властей, развернули кампанию по закрытию храма в селе Кой. Диакон Виктор вместе с прихожанами энергично выступили с протестом против действий властей. Около шестидесяти женщин отправились в сельсовет и потребовали прекращения пропагандистской кампании по закрытию храма. Верующие действовали столь уверенно и решительно, что властям пришлось уступить, кампанию прекратить и от своих планов временно отказаться. ОГПУ стало искать повод арестовать о. Виктора.

В 1930 году он был рукоположен в сан священника к храму в селе Кой. Сразу же после рукоположения власти арестовали его за невыполнение плана хлебозаготовок и приговорили к восьми месяцам заключения в исправительнотрудовой лагерь. Отец Виктор из заключения вернулся в свой храм.

6 декабря 1931 года начальник оперативного сектора отправил уполномоченному ОГПУ по Сонковскому району распоряжение, чтобы тот представил полные данные о священнике Викторе Ильинском, его социальноимущественном положении, а также о его антисоветской деятельности.

В ответ на запрос сонковский уполномоченный написал: «В 1930 году был раскулачен, все имущество передано в коммуну, а сам Ильинский перебрался жить в деревню Яругино (находится там на квартире). Материалов о дальнейшей антисоветской агитации не добыто».

Преследования священника, однако, не прекратились – в 1934 году о. Виктор был арестован по обвинению в сокрытии церковных ценностей и мелкой разменной монеты. Власти приговорили его к двум годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Аресты, заключения, непосильная работа подорвали здоровье священника настолько, что дальнейшее пребывание в лагере грозило ему смертью; по состоянию здоровья он был в 1935 году освобожден и вернулся в родное село.

В марте 1936 года сотрудники НКВД произвели в храме обыск и изъяли церковные регистрационные книги родившихся, бракосочетавшихся и умерших; было выяснено, что записи родившихся и умерших велись с 1918 года, бракосочетавшихся — с 1923-го.

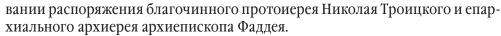
Священнику был учинен допрос по поводу найденных книг. Отец Виктор ответил, что записи велись по долгу его священнической службы на осно-

• БЕЖЕЦК •

- Выдавали ли Вы кому-либо справки по Вашим документам о родившихся, бракосочетавшихся и умерших? спросил следователь.
- Ко мне за справками никто не обращался, ответил о. Виктор.

На этом допрос был закончен; на этот раз священника не арестовали. Отец Виктор продолжал служить в храме, все время и силы отдавая служению Богу, Церкви и своей пастве. Во всех отношениях 30-е годы для Русской Православной Церкви, ее священнослужителей, кому дал Господь возможность служить в Божиих храмах, были временем наилучшим, временем собирания в душу тепла благодати, когда ревностные пастыри самим ходом исторических событий были подведены к наивысшему итогу своей церковной деятельности – мученической кончине. Против о. Виктора неоднократно выдвигались председателем сельсовета самые абсурдные обвинения, например, в том, что священник будто бы воспользовался отсутствием колоколов – которые были сняты по распоряжению Советской власти – и служил, перестав регулировать время службы церковным звоном, сколь угодно долго, а также в том, что он неустанно призывал христиан к посещению храма, в чем добился больших успехов, и к 1937 году число постоянных прихожан значительно увеличилось.

12 ноября 1937 года о. Виктор был арестован и заключен в тюрьму в Бежецке. 20 ноября состоялся первый допрос. В этот день были вызваны «дежурные свидетели», которые поставили свои подписи под протоколами, заранее составленными следователем. Отец Виктор держался мужественно и не признал себя виновным в антигосударственной деятельности, не стал лжесвидетелем.

- Вам предъявляется обвинение в контрреволюционной деятельности, направленной на срыв проводимых Советской властью мероприятий в колхозах. Признаете ли Вы себя виновным? спросил следователь.
- Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю, ответил о. Виктор.
- 30 августа сего года Вы выступили с антисоветской проповедью, агитируя верующих не выполнять государственных обязательств. Подтверждаете ли Вы это?
- С антисоветской проповедью я не выступал и не говорил, чтобы не выполняли государственных обязательств.
- 14 октября сего года Вы производили антисоветские выпады, направленные против кандидатур, выставленных в Верховный Совет СССР.
- Нет, антисоветских выпадов не производил.
- В сентябре сего года Вы производили антисоветские выпады, распространяли слухи о войне.
- Виновным в антисоветской деятельности себя не признаю.
- 25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Виктор Ильинский был расстрелян 27 ноября 1937 года.

21 октября (3 ноября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ДИМИТРИЙ ТРОИЦКИЙ

вященномученик Димитрий родился в семье чиновника акцизного управления Ивана Троицкого. Благочестивые родители воспитали детей в вере и любви к Богу и ближним, и все четверо их сыновей стали священниками. Самым младшим из них был Дмитрий; он родился 20 июля 1905 года. Три года он учился в начальной школе в городе Кашине, затем поступил в духовное училище, которое, несмотря на революцию, продолжало свое существование и только в 1921 году было переименовано в советскую школу 2-й ступени, которую Дмитрий Иванович и окончил в 1923 году. Отец к тому времени умер, и получить образование Дмитрию помогли его братья-священники.

Юноша возрастом, душевной твердостью муж, Дмитрий, когда ему исполнилось всего двадцать лет, был рукоположен в сан священника к храму села Перетерье Сонковского района. Молодой священник вполне отдавал себе отчет в том, что начал служить во времена непрекращающихся гонений на Церковь, но это не устрашало его. На каждой службе он говорил проповеди, тщательно к ним готовясь, жил горестями и переживаниями своих прихожан, старался, чтобы огонь веры неугасимо горел в их душах среди окружающего мрака государственного безбожия, поддерживал тех, кто унывал или готов был отчаяться от трудностей жизни и материальной нужды; он стремился научить прихожан заботиться прежде всего о духовном, а уже потом о материальном, бояться более греха, нежели гонений и притеснений от современных властей. И за это ревностное, искреннее служение прихожане полюбили молодого священника, в котором увидели образец православного пастыря. Церковная и духовная жизнь в приходе ожила. Люди стали чаще прибегать к таинству исповеди и причащения, старались и в семьях дать своим детям церковное воспитание. И это не понравилось безбожным властям; они стали искать повод удалить священника из прихода: в 1930 году они арестовали его за хранение пятидесяти одного рубля серебром и осудили на три года заключения в концлагерь.

Отец Дмитрий был отправлен в исправительно-трудовой лагерь на строительство Беломорско-Балтийского канала. После освобождения он вернулся в тот же храм в село Перетерье. Священник нисколько не переменился в своих убеждениях, наоборот, испытание пошло ему на пользу, укрепило веру, и власти снова стали искать повод для его ареста.

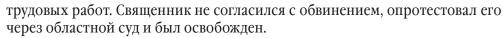
В 1936 году с новой силой началось гонение на Церковь, большинство архиереев были лишены властями регистрации, многим священникам, вернувшимся из заключения, в такой регистрации отказывали. Отец Дмитрий был арестован и обвинен в нарушении правил записей гражданского состояния. Сонковский суд приговорил его к шести месяцам исправительно-

Вернувшись к служению, о. Дмитрий, зная, что страдания не окончились, но с усилением гонений продолжатся, использовал любую возможность для просвещения и воцерковления своих прихожан. Он жил и действовал как православный пастырь и христианин, пока Господь давал время.

В первое воскресенье Великого поста 1936 года, во время Пассии, о. Дмитрий, обращаясь к прихожанам с проповедью о покаянии, в частности сказал: «Что же воздадим Тебе, Сладчайший Иисусе, «о всех, яже воздаде нам?» Какой любовью мы ответим на Твою любовь к нам? Припадем же ко Кресту Спасителя - приникнем сердцем к прободенным Его ребрам, и Он скажет нам: «Даждь Мне, сыне, сердце твое». За тебя Я страдал, за тебя принял насмешки, заплевания и заушения. За тебя был пригвожден. Ты Меня распял грехами своими. Послушай же Меня теперь. Первое слово Мое было всему миру: – «Покайтеся». Оно должно быть и последним на все времена и всем народам. «Если не покаетесь, погибнете». Погибнете, как Мой предатель Иуда, погибнете, как этот жестокий народ иудейский. Моя плоть и кровь даны вам как очистительные средства от грехов ваших и наследования жизни вечной. Ответим, возлюбленные братья и сестры, полной готовностью и принесем искреннее покаяние, пока не поздно. Скажем не языком только, нет, но сердцем распятому Христу: «Готово сердце наше, Боже, готово сердце наше». Кто бы ты ни был, в каком-либо звании, возрасте, кайся.

Кайся ты, подобно Иуде, ради своей жадности к житейской наживе готовый обмануть, обидеть, притеснить и даже продать своего ближнего. В лице его ты вновь предаешь Христа на страдания.

Кайся и ты, стремящийся осудить своего ближнего и в лице его осуждающий Христа на пропятие.

Кайся и ты, ради мира сего оставляющий Церковь Христову и удаляющийся от Христа, подобно апостолам, оставившим Его во время страдания, но не подражающий им в твердой вере и исповедании Христа даже до смерти по Его воскресении.

Кайтесь и вы, родители, которые равнодушно смотрят на пороки и нечестие ваших детей, вопли которых доходят до неба и оскорбляют Христа.

Кайтесь и вы, непослушные дети своих родителей, причиняющие им своим поведением слезы и обиды, а иной раз наносящие телесные обиды, этим вы наносите удары и хулу Самому Богу.

Кайтесь и вы, молодое поколение, отвергающее таинства Церкви, вступающее в новую жизнь без благословения Божия; нарушая законы Церкви, вы наносите Христу как главе Церкви заушения и биения.

Кайтесь и вы, хулители имени Христова, вновь пригвождающие Его ко кресту. Кайтесь! Кайтесь все! Вас к этому зовет Сам Спаситель, на кресте грехами нашими пригвожденный.

22

Петр, отвергший Христа, но плакавший о своем грехе горько, получил место в Царстве Небесном одесную Христа. Жена-блудница, омывшая Христу слезами ноги и власами отершая их, введена в чертог Божий. Блудный сын и мытарь, покаявшись, введены в Небесный дом Христов. Благоразумный разбойник, покаявшись, во едином часе раеви сподобился.

Христианин! Восплачь и ты о грехах своих, как и они. Не языком только, нет, но всем своим существом молись распятому Христу, из глубины души взывай с разбойником благоразумным покаянным гласом: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». И верь, что ты услышишь блаженный глас Христов: «Днесь со Мною будеши в раи»».

В праздник Покрова Божией Матери о. Дмитрий сказал в проповеди: «Братие и сестры, возлюбленные чада во Христе! Какая великая нужда и какая великая польза для каждого христианина посещать храм Божий, изливать свои молитвы, искать помощи у Всевышнего, об этом так ярко говорит нам ныне воспоминаемое нами торжество Покрова Божией Матери.

Этот случай, произошедший в первые столетия христианства, глубоко проник в сердца верных и поныне с глубоким чувством благодарности и для нашего духовного назидания воспоминается ежегодно святой Православной Церковью. Некогда христиане великого Царыграда видели себя окруженными злейшими врагами, которые, не имея любви Христовой в сердце своем, уничтожали все на своем пути, разрушали жилища, предавая все истреблению, касаясь святыни, уничтожали ее. И вот это многочисленное полчище врагов стояло у стен града для того, чтобы все предать уничтожению. А там, в стенах этого града, жители, сознавая свою слабую силу против врагов, не впали в малодушие... но устремились в храм Божий излить свои молитвы и свою просьбу о спасении пред престолом Всевышнего. Как сильна была вера в этих людях, как душевна была их молитва, что Сама Царица Небесная, окруженная ликом святых, разделяла их молитву пред Сыном Своим, Богом нашим, и покрывала присутствующих в храме честным Своим омофором, спасая их от окружающих врагов и близкой погибели.

Это чудное явление Божией Матери поучает нас крепкому упованию на Промысел и всегдашнее покровительство о нас Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Кто возлагает все упование свое на Господа, того Господь хранит. Возложи всю свою надежду на Бога: все, что ты делаешь, делай для Него, думай о том, как бы Ему угодить, а Он, Милосердный, знающий лучше тебя, в чем ты нуждаешься и что для тебя полезно, тебя направит и наставит, оградит от всего дурного, даст тебе успех и удачу.

У нас часто слышатся жалобы на постоянные неудачи, на то, что наши желания не исполняются, что Господь нас оставил, не слышит наших молитв, допускает многому дурному случиться. Справедливы ли подобные жалобы? Подумай, христианин, возможно ли, чтобы Милосердный Бог, возлюбивший род человеческий до того, что Сына Своего Единородного предал на крестные страдания и смерть ради спасения нас, грешных, чтобы Он оста-

вил хотя бы последнее и недостойное Свое создание? Господь не желает зла никому, потому что Он благ. Мы все дети Божии, дети любимые, купленные дорогою ценою крови Сына Его. Может ли любимая мать оставить или пожелать что-либо худое своему любимому ребенку? «Егда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего; аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь».

Но какая же причина подобных жалоб? Каковы причины большинства неудач, неуспехов, несчастий? Эти причины – наше малодушие, недостаток нашего упования на Бога, большая надежда на свои собственные силы. Мы дали волю земным страстям, живем не для Бога, а на погибель своей души. Вместо того чтобы со смирением обращаться к Богу, говоря: «Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду», и просить Бога: «Научи мя творити волю Твою», мы сами избираем себе путь, руководясь единственно собственными влечениями, которые ведут нас к погибели. Конечно, Господь в этом случае не поможет нам, да мы часто Его и не просим, а если и просим, то забываем говорить: «Да будет воля Твоя!» И оказывается, Господь не отступился от нас, а мы отступились от Него и отвергаем Его помощь. Справедливо ли после этого роптать и говорить, что нам ничего не удается, что Господь нас не хранит? Если мы будем жить в Боге, ходить пред Богом, всегда помня, что мы находимся под охраной Его всеблагого Промысла, то всегда можем быть уверены, что все обстоятельства нашей жизни Господь направляет к нашей пользе. Тогда в самих наших несчастиях будем возлагать все наше упование на Господа и от Него Единого ожидать себе утешения, имея великую за нас заступницу и ходатаицу Саму Царицу Небесную. «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево, молений наших не презри в скорбех, но от бед избави нас, едина чистая и благословенная. Пресвятая Богородице, спаси нас»».

Служение о. Дмитрия, как и служение всякого священника в то время, вызывало пристальное внимание властей. На надзор за Православной Церковью и за верующим народом безбожное государство тратило больше сил и средств, чем на надзор за преступниками. 28 апреля 1937 года участковый инспектор подал рапорт начальнику Сонковского районного отделения милиции, в котором писал: «Доношу, что 26 апреля сего года в пуршевской школе ученица Малышкина Нина, когда ей завшколой Спасская стала говорить, зачем она ходит в церковь, ответила, что священник им говорит, что если будут молиться, то лучше будет даваться учение, и не слушать учителей и повесить крестики. Спасская об этом сказала ее матери, Малышкиной Анне, и она стала наносить угрозы дочери, что тебе попадет, зачем ты зря говоришь на батюшку. У Малышкиной трое детей учатся в школе, и она их насильно посылает в церковь, и этот разговор, по всей вероятности, был на исповеди. О чем и довожу до вашего сведения».

Рапорт был оставлен в тот момент без внимания, но когда летом 1937 года НКВД получил указ Сталина об уничтожении Церкви, он лег в основу

24

обвинения священника. В дополнение к нему НКВД потребовал сведений о священнике от председателя сельсовета, который, характеризуя о. Дмитрия как исповедника и ревностного пастыря, написал: «С прибытием его в село Перетерье в 1933–1934 году стало быстро оживать церковное движение. Каждую службу сопровождал выступлением с проповедью. Через родителей привлекал учеников в церковь, среди которых проводил соответствующую работу, уговаривал верить в Бога и ходить в церковь».

19 сентября 1937 года сотрудник НКВД произвел в доме священника обыск, после которого о. Дмитрий был арестован и заключен в тюрьму в Бежецке.

- Материалами расследования установлено, что Вы, будучи служителем церковного культа, в селе Перетерье во время произнесения вами церковных проповедей среди посещающих церковь граждан, ведете контрреволюционную, антисоветскую агитацию за отрыв учащихся детей от советской школы и вербовку их в посетителей церкви; Вы этим развращаете советскую молодежь, совлекаете ее с пути коммунистического воспитания. Признаете себя в этом виновным? спросил его следователь.
- Я в периоды церковной службы произносил проповеди, являющиеся нравоучением как для взрослых, так и для детей, желающих посещать церковь. Но я никакой контрреволюционной агитации тут не вижу; я свою службу и нравоучения строго сочетал с возможностями, допущенными законами Советской власти. Виновным себя в этом не считаю, ответил священник. 1 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Дмитрий Троицкий был расстрелян через день после вынесения приговора, 3 ноября 1937 года.

6 (19) апреля СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ИАКОВ И ИОАНН БОЙКОВЫ

вященномученик Иаков родился 8 июня 1896 года в городе Бежецке Тверской губернии в семье священника Покровской тюремной церкви города Бежецка Иакова Ива-

новича и его супруги Александры Васильевны Бойковых. С детства любимым занятием его было чтение духовных книг, а любимой игрой – «игра в храм». На чердаке дома он оборудовал себе небольшую библиотеку и устроил «церковь»: повесил иконы, колокольчики и утром, когда наступало время службы, звонил. Все окружающие думали, что мальчик посвятит свою жизнь сугубо служению Богу, и скорее всего в монашеском звании, и, когда он впоследствии женился, были весьма удивлены. В 1911 году Яков окончил Бежецкое духовное училище, в 1917-м – Тверскую духовную семинарию и в том же году поступил в Московскую духовную академию.

Яков успешно окончил первый курс академии, но в 1918 году, учась на втором курсе, он столкнулся с непреодолимыми для себя трудностями – негде было жить и не было средств на покупку продуктов, и он вернулся в Бежецк и поселился у сестры. Но он не терял надежды на продолжение образования и в 1919 году выслал в академию семестровое сочинение на тему «Христианская любовь и аскетизм». Вскоре, однако, всякая возможность на получение образования в академии была безбожными властями пресечена, и Яков Яковлевич поступил преподавателем в Бежецкое реальное училище. Он проработал здесь два года и был уволен как сын священника и потому, что не скрывал своих взглядов - какой он видит окружающую жизнь. Преследования, увольнения и всякого рода гонения только укрепляют в человеке веру, дают духовный опыт и наглядно являют благие деяния милующей руки Божией. И во время гонений на Русскую Православную Церковь Яков Яковлевич твердо решил стать пастырем и в этом звании послужить своему народу. Незадолго перед принятием сана он женился на выпускнице епархиального училища, которая работала в советской школе учительницей. Став женой будущего священника, она потеряла все свое, и без того шаткое, материальное благополучие.

В 1923 году Яков Яковлевич был рукоположен во священника к храму святой великомученицы Екатерины в селе Закрупье Бежецкого уезда, где он прослужил до 1930 года, когда переехал в Бежецк. Но в Бежецке вакантных священнических мест не было, и отец Иаков уехал в село Кириловское Максатихинского района, где прослужил два года. Затем открылась вакансия на место священника в Благовещенской церкви в селе Княжево недалеко от Бежецка, и отец Иаков стал служить там. В Княжево он служил до 1938 года. Здесь ему пришлось пережить непрекращающиеся гонения 30-х годов. Там, где власти не арестовывали священника, они нарочито облагали его и его семью заведомо непосильными и вызывающе беззаконными налогами, вынуждая покинуть приход. Священникам в те годы приходилось тяжелее, чем их крестьянам-прихожанам. Жена отца Иакова не раз говорила ему:

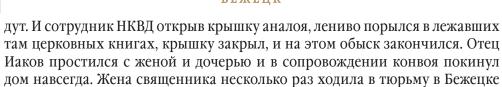
- Яков, бросай ты служить в церкви, уходи, ведь мы только и делаем, что налоги платим, хуже нищих живем.
- Я сана с себя никогда не сниму, отвечал на жалобные причитания жены священник, никогда не стану предателем Церкви.
- В 1937–1938 годах были арестованы, за единичными исключениями, все священники области. В Бежецке арест миновал только одного священника, которому исполнилось тогда семьдесят девять лет.

В эти несколько лет перед арестом отец Иаков подолгу и усердно молился, чаще всего ночью. Затепливал перед иконами в святом углу лампады, раскрывал на аналое книгу и начинал молиться. В час ночи с 8 на 9 февраля 1938 года раздался стук в дверь — это пришли сотрудники НКВД с понятыми — соседями, жившими в том же доме, производить обыск. Вся обстановка дома священника свидетельствовала, что ничего ценного они здесь не най-

26

и хлопотала, чтобы дали свидание, но ей отказали. Сразу же после ареста, 9 февраля, следователь допросил отца Иакова.

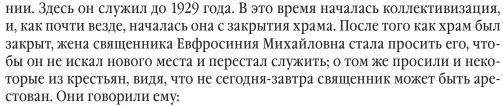
- Расскажите, гражданин Бойков, о своем прошлом как до революции, так и после.
- До 1917 года я учился... получив среднее образование, стал учительствовать в городе Бежецке.
- Когда Вы были лишены избирательных прав?
- В момент, когда я стал священником, то есть в 1923 году.
- Расскажите, кем, когда и за что Вы были судимы.
- Судим я никогда не был. В 1935 году архиепископом Фаддеем* было дано указание о том, чтобы мы регистрировали на местах случаи рождений и смертей, что мною и делалось. Но после об этом стало известно органам НКВД, и я в 1935 году был привлечен к ответственности за незаконную регистрацию актов гражданского состояния, но дело было прекращено.
- Расскажите, для какой цели Вам было дано задание от архиепископа Фаддея собирать сведения об актах гражданского состояния?
- Сведения о рождениях и смертях я записывал в церкви примерно с год, после чего тетрадь с записями у меня была отобрана Бежецким НКВД. Сведения мы собирали только для церковных надобностей, для поминовения погребенных.
- Расскажите о Вашей контрреволюционной агитации против партии и Советской власти.
- Контрреволюционной агитации против партии и Советской власти я никогда и нигде не проводил и виновным себя в этом не признаю.

Все следствие продолжалось два дня, 9 и 10 февраля, и уже 10 февраля было составлено обвинительное заключение. 13 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был сослан в Екатеринбургскую область. Отец Иаков умер в лагере от голода 19 апреля 1943 года и был погребен в безвестной могиле.

Священномученик Иоанн Бойков родился в 1891 году в городе Бежецке и был старшим братом священномученика Иакова. В 1915 году он окончил Тверскую духовную семинарию и поступил псаломщиком в собор в городе Осташкове. В 1917 году умер его отец-священник, и родственники уговорили Ивана Яковлевича вернуться на родину в Бежецк, куда он приехал в 1918 году и устроился работать учителем. Но не по душе было религиозному молодому человеку преподавание в новой, враждебной православию, школе. Он женился, оставил учительство и в 1921 году был рукоположен во священники к храму села Залужанье Весьегонского уезда Тверской губер-

- Отец Иван, ведь уже и в Москве все разрушают, храмы взрывают, оставь служение.
- Нет, я не изменник Богу. Море переплывешь на берегу утонешь.

Но на всякий случай, чтобы из-за его священства власти не преследовали семью, он разрешил жене развестись.

В 1929 году отец Иоанн получил место священника в Воскресенской церкви на погосте Белом Молоковского района, а 1 ноября 1930 года перешел служить в храм села Бошарово Старицкого района Тверской области. Здесь в то время поселились монахини из многих закрытых монастырей и церковная служба правилась по-монастырски.

Время от времени отец Иоанн приезжал в Залужанье навестить семью и повидаться с прихожанами, которые искренне любили священника. Приезжать приходилось ночью, чтобы не навлечь беду на близких. Но все равно часто случалось так, что соседи, которым ОГПУ поручило следить за домом священника, доносили о приезде о. Иоанна уполномоченному ОГПУ, а тот посылал милиционера, который, приходя, спрашивал, здесь ли священник, и тут же уходил по хорошему отношению к священнику, не желая его арестовывать. Побывав дома и всех повидав, о. Иоанн также ночью уходил пешком в село, где служил.

ОГПУ все же решило арестовать священника, а вместе с ним и некоторых крестьян-прихожан, обвинив их в том, что они являются противниками создания колхозов, повсюду говорят против них и создали на этой почве целую группу, которую будто бы и возглавил священник Иоанн Бойков. Соседи в очередной раз донесли, что к жене и детям приехал священник, и на этот раз сотрудники ОГПУ уже сами арестовали его. Виновным себя о. Иоанн не признал.

Через месяц, 20 апреля 1931 года, Тройка ОГПУ приговорила о. Иоанна к пяти годам исправительно-трудовых лагерей; вместе с ним были приговорены к различным срокам заключения и ссылки четверо крестьян.

После ареста священника у его жены Евфросинии отобрали дом в Залужанье и все, что в нем было, хотя дом был построен еще ее родителями, когда она вышла замуж за Ивана Яковлевича. Без дома и средств остались дочери о. Иоанна, Нина и Вера, которым было тогда восемь лет и четыре года. Власти отобрали всю одежду, у детей забрали игрушки, родным священника разрешили взять из дома только то, что они на себя успели надеть.

Последнее письмо из лагеря о. Иоанн написал в июле 1934 года, и вскоре после этого письма он скончался.

28

11 (24) декабря

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН БОГОЯВЛЕНСКИЙ

вященномученик Иоанн родился 12 февраля 1892 года в селе Ветрино Моложского уезда Ярославской губернии в семье священника Дмитрия Богоявленского и жены его Людмилы. В 1914 году Иван Дмитриевич окончил Ярославскую духовную семинарию, но по стопам отца идти не захотел, он желал выбрать светский

путь и работать в земских учреждениях. Так как семинарию он окончил по 2-му разряду, то в земство его не взяли, и он был вынужден устроиться учителем в церковно-приходскую школу. Однако эта работа его не удовлетворила, и осенью 1916 года Иван Дмитриевич поступил на юридический факультет Ярославского Демидовского лицея, где проучился два курса - до 1918 года, когда власти преобразовали лицей в государственный университет, где продолжать образование он не захотел. В 1918 году в Ярославле, как и во многих промышленных городах России, начался голод, и Иван Дмитриевич стал подыскивать место учителя в одном из маленьких городков и, наконец, в 1919 году уехал в Весьегонск, где поступил в советскую школу 2-й ступени преподавателем истории, географии, истории социализма и политической экономии. Несмотря на свое былое стремление к светскому пути, Иван Дмитриевич был человеком глубокой веры, которую не скрывал, и часто посещал храм. В обстановке начавшихся гонений его вера стала подвергаться насмешкам - сначала от коллег учителей, а затем и от учеников, и Иван Дмитриевич решил оставить работу и уехать.

В январе 1922 года он вернулся на родину, в село Ветрино, где служил его отец, и поселился в родительском доме. В апреле отец умер, приход остался без священника, и Иван Дмитриевич решил поступить на место почившего батюшки. В начале мая он обвенчался с дочерью священника, служившего в одном из храмов города Мологи Ярославской епархии, Ниной Николаевной Семеновской, а 9 мая был рукоположен в сан священника ко храму родного села.

В конце 20-х годов снова начались гонения; в глухом селе они выразились в требовании, чтобы священник выполнил заведомо непосильное задание по лесозаготовкам, которое он выполнить не смог, за что в марте 1930 года был приговорен к одному году исправительно-трудовых работ. Прихожане, однако, были недовольны расправой над священником и пришли к зданию районного отделения НКВД, требуя его освобождения. Перепуганные власти вынуждены были его отпустить, всего лишь выслав за пределы области.

Отец Иоанн приехал к епископу Рыбинскому Серафиму (Протопопову) за советом и благословением, и тот сообщил ему, что в селе Раменье Тверской области остался приход без священника, и посоветовал поехать к епископу Бежецкому Григорию (Козыреву), в чьем ведении был храм. Владыка Григорий благословил его занять место священника в Раменской церкви. Здесь,

как и в родном селе, прихожане полюбили о. Иоанна. Но власти не забыли о приговоре, и в апреле 1931 года он был арестован и отправлен отбывать заключение на лесоповал в Сонковский район. Верующие не оставляли его – привозили продукты и всячески поддерживали. 27 марта 1932 года срок заключения закончился, и священник вернулся в Раменье.

Сразу же вслед за этим начальник районного ОГПУ послал уполномоченному по Сонковскому району сообщение, где говорилось, что о. Иоанн «является ярым противником ССоветской власти, приверженцем тихоновской ориентации. В 1929 году был репрессирован за антисоветскую деятельность. Кроме того, были установлены факты подпольной адвокатуры. Ввиду изложенного, за Богоявленским установить тщательное наблюдение».

Храм в селе Раменье находился рядом со школой, и ученики во все большие церковные праздники заходили в него – одни потому, что у них родители были верующими, другие – из любопытства. Это не нравилось директору школы, и он стал искать пути закрыть храм.

15 августа 1934 года о. Иоанн был арестован; в тот же день следователь НКВД допросил его; священник не признал себя виновным.

Следователи допрашивали священника каждый день посменно, день один следователь, день – другой. Обвинить его было не в чем, следователям не к чему было придраться, и они стали интересоваться - как же он, верующий человек, и преподавал социализм? О. Иоанн отвечал: «Будучи преподавателем в школе, я ученикам преподавал об утопическом социализме, что при нем будет много школ низших и высших, школы будут общие для мужчин и женщин, что будет создано общественное питание в школах и среди всего населения. Фабрики будут общие, должно быть учтено все имущество, труд должен стать коллективным. Я был преподавателем времен военного коммунизма... Впоследствии от меня стали требовать преподавания о принципах трудовой школы, общественно-полезном труде и так далее. Я далек был от такого преподавания, не мог в своей голове переварить всего нового о школе. Я тогда в 1922 году ушел на службу священником, где я хотел найти для себя отраду в своей работе. Я знал, что, будучи священником, все время буду находиться среди учеников в деревне и среди крестьян. Причем после преподавания в школе я видел, что не могу быть полезным для настоящего общества и у меня к этому нет призвания. В отношении обновленческой церкви я все подробности сам хорошо не усвоил, но должен заявить, что ходить в маске я не могу. Я хочу быть настоящим священником Православной Церкви и ни в коем случае не могу отступить от Церкви митрополита Петра Крутицкого, митрополита Нижегородского Сергия, митрополита Ярославского Павла. Я буду служить, если мне предоставится возможность, до последнего... Я предан Православной Церкви и буду продолжать до конца служить ей. Относительно обвинения меня... в отношении антисоветской агитации я должен отметить одно. Я убежден в том, что вести контрреволюционную работу против Советской власти и политики партии я один или вдвоем... не мог, потому что мы вдвоем не могли оказать

30

большого влияния на подрыв Советской власти... Я хорошо знал, что за каждым моим шагом следят, ко мне каждый год посылали шпионов... Какая может быть антисоветская агитация при данных условиях среди неграмотных людей, когда кругом за нами следят... Кем подосланы эти шпионы, я точно сказать не могу». 27 сентября о. Иоанна допросил уполномоченный управления НКВД, чтобы составить свое окончательное заключение по этому делу.

Отец Иоанн, отвечая на вопросы, сказал: «Служа священником села Раменье, я при отправлении служб в церкви каких-либо проповедей антисоветского характера не произносил. В частные беседы с прихожанами вступал очень редко, тем политического характера не касался никогда и ни с кем. Прихожане относились ко мне хорошо, среди них я пользовался авторитетом. Объясняется это, с одной стороны, тем, что я на требы не только не устанавливал таксы, но и не просил; что дадут, то и ладно, а и не дадут – хорошо. С другой стороны, прихожане любили меня за то, что я заботился о храме, исправлял обязанности не только священника, диакона и псаломщика, но был одновременно и звонарем, и сторожем, и уборщиком... Я храм благоустроил и все время своими силами поддерживал в нем чистоту. Как и каким путем отдельные граждане, как, например, председатель сельсовета, говорят, что я являюсь первоисточником разного рода антисоветских разговоров – для меня совершенно непонятно».

2 октября уполномоченный НКВД составил свое заключение: «В действиях, приписываемых обвиняемому Богоявленскому, нет состава преступления, а потому дело производством прекратить, арестованного Богоявленского Ивана Дмитриевича из-под стражи немедленно освободить». Отец Иоанн был освобожден из Бежецкой тюрьмы и вернулся служить в село Раменье. 12 ноября 1937 года о. Иоанн снова был арестован. 20 ноября состоялся первый допрос.

- Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной агитации, направленной к срыву проводимых хозполиткампаний в колхозах. Следствие от Ввас требует правдивых показаний.
- Антисоветской агитации я не вел.
- В сентябре Вы дали установку монахине вести антисоветскую агитацию о том, что якобы Советская власть каторга и колхозы распадутся. Подтверждаете Вы это?
- Этого не подтверждаю.
- 4 ноября вы, будучи в церковной сторожке, восхваляли врагов народа.
 Подтверждаете ли вы это?
- Этого я не подтверждаю, показания свидетелей ложны.

25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отец Иоанн был сослан в Коми область в Севжелдорлаг, в поселок Княж-Погост. Он пробыл на тяжелых работах с 1938 по 1941 год. С началом войны, при том что работа оставалась непосильно тяжелой, кормить в лагере почти перестали. Священник Иоанн Богоявленский умер от голода 24 декабря 1941 года; ему было тогда сорок девять лет.

4 (17) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ВАСИЛЕВСКИЙ

вященномученик Иоанн родился 18 марта 1869 года в Краснохолмской слободе Весьегонского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Николая Василевского. По окончании Тверской духовной семинарии был рукоположен в сан священника и служил в соборе города Весьегонска.

После прихода к власти безбожников о. Иоанн в 1922 году был арестован, обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к одному году заключения. Священник подал на кассацию, которая была удовлетворена; он был освобожден и вернулся в собор в Весьегонске, там он служил до февраля 1924 года, затем перешел в храм села Селихово, где прослужил до октября 1926 года, и был назначен в Воскресенскую церковь поселка Селижарово.

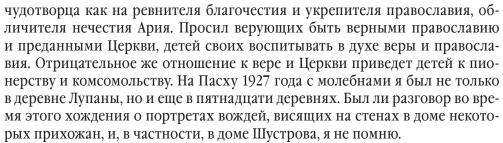
В Воскресенском храме служило тогда три священника, но, пожалуй, самым деятельным из них был о. Иоанн. Это и явилось причиной преследований. 15 июля 1927 года он был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму. Следователь на допросе спросил, говорил ли священник об атеистическом воспитании детей, кого он поминал за богослужениями в качестве правящего епископа и ходил ли с молебнами по приходу? Священник ответил: - Я действительно говорил на тему христианского воспитания детей своими родителями, но что касается недопущения детей в общественные организации, например пионеров и комсомола, мною это не говорилось, как не говорилось и об отдельных представителях Советской власти. Могу сказать, что в произносимых мною проповедях я политики не касался и говорил то, что разрешено конституцией. 21 ноября 1926 года я ходил по приходу по случаю праздника Михайлова дня, причем я из Селижарова ушел без иконы, но один из граждан деревни Никвы привез икону Архистратига Михаила (откуда привез, не знаю), и я служил с этой иконой в нескольких домах, но когда мне псаломщик сказал, что с иконой нельзя ходить, так как есть запрещение местной власти, я тогда дальше в деревню Лупаны пошел без иконы. Что касается правящего архиерея, то я, как и двое других священников в храме, поминаю митрополита Серафима (Александрова), хотя тот и был привлечен в тот момент к ответственности.

24 августа, прежде чем вынести окончательное решение по делу арестованного священника, его допросил уполномоченный тверского секретного отдела ОГПУ, пытаясь выяснить, что тот говорил в проповедях на службах. Отец Иоанн ответил:

– 19 декабря 1926 года после церковной службы – литургии, по заведенной традиции, я говорил проповедь на тему «Повинуйтесь наставникам вашим, которые бдят о душах». В проповеди указывал на святителя Николая

Это было за год до наступления массовых гонений на Православную Церковь, и следствие постановило, что, поскольку виновность священника не доказана, дело следует прекратить, а священника освободить из тюрьмы. Отец Иоанн вернулся к служению в храме. В 1930-х годах он служил в Бежецке в Благовещенской церкви, православную общину которой составляли монахини бывшего здесь еще недавно монастыря. Здесь он встретил 1937 год, который мало кому из духовенства удалось пережить. Отец Иоанн был арестован в ночь с 14 на 15 августа, в тот же день допрошен и заключен в Бежецкую тюрьму.

- Как Вы лично реагировали на закрытие советскими властями в Бежецке церквей и снятие колоколов? спросил его следователь.
- Я лично скорбел о закрытии церквей и снятии колоколов, однако с решениями местных властей о закрытии церквей примирялся, ответил священник. Заканчивая через несколько дней следствие, следователь вызвал на допрос священника; на поставленный вопрос, признает ли он себя виновным, о. Иоанн ответил:
- Виновным себя в том, что я состоял в контрреволюционной группировке духовенства и занимался антисоветской агитацией, не признаю. Все мои предыдущие показания считаю правильными и дополнить их чемлибо не могу.

Через три недели после последнего допроса, 13 сентября, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Иоанн Василевский был расстрелян 17 сентября 1937 года.

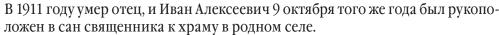
21 октября (3 ноября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ИОАНН И ВАСИЛИЙ КОЗЫРЕВЫ

вященномученик Иоанн родился 16 января 1885 года в селе Пожарье Весьегонского уезда Тверской губернии, где его отец, Алексей Козырев, служил священником. В 1904 году

Иван Алексеевич окончил Тверскую духовную семинарию и поступил преподавателем в Краснохолмское духовное училище, где прослужил до 1910 года, затем уехал в село Пожарье и устроился учителем в сельской школе.

Его брат, священномученик Василий, родился в 1889 году. До 1907 года он учился в Бежецком духовном училище, затем окончил пять классов Тверской духовной семинарии и поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, но окончить его не смог, так как у семьи не было средств для продолжения его образования. В 1914 году Василий поступил учителем в сельскую школу и проработал в ней до 1919 года. Но когда пришла новая власть, он вынужден был из школы уйти; он устроился счетоводом, затем инструктором в Рыбинский губернский потребительский союз, где проработал до 1921 года, когда принял решение стать священником.

В 1921 году Василий был рукоположен в сан священника к одному из храмов в Бежецке. Гонения конца 20-х – начала 30-х годов не обошли и его – в 1930 году он был арестован, приговорен к трем годам заключения и отправлен сначала на Соловки, а потом в Свирский концлагерь. После двух лет заключения, в 1932 году, он вернулся в Бежецк и стал служить в храме. В 1929 году брат священников Иоанна и Василия, преосвященный Григорий, был назначен епископом Бежецким. Владыка отличался высоким молитвенным настроем и сумел своим примером поднять дух клира и мирян, многие из которых начали унывать от безжалостности и, казалось, безвременности наступивших гонений.

Шли гонения на Православную Церковь; те, кто не были арестованы в начале 20-х годов, были арестованы в конце их. В 1929 году власти приступили к описи имущества в храмах, так как собирались в очередной раз изымать церковное достояние, арестовывать духовенство, закрывать храмы. Узнав об этом, о. Иоанн скрыл от описи чашу, дискос, лжицу, две тарелочки и напрестольное Евангелие в серебряном окладе. Впрочем, все это не удалось сохранить – власти нашли и отобрали. В том же году о. Иоанна арестовали, обвинили в сборе пожертвований для храма и приговорили к штрафу в размере трехсот рублей.

23 января 1934 года сотрудники ГПУ арестовали священника Введенской церкви в городе Бежецке о. Сергия Кордюкова. В качестве доказательств вины ему были представлены доносы осведомителей на него и на других священников. Трудно теперь установить, чем угрожали пастырю, что обещали ему следователи в случае подтверждения этих оговоров, но о. Сергий поверил и подтвердил представленные ему сведения.

16 февраля 1934 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. И им следователь, по-видимому, что-то обещал, только бы они признали себя виновными. Отец Иоанн согласился со следователем. 22 февраля следователь составил протокол допроса, а о. Иоанн его подписал. В нем, в частности, было написано: «Я, Козырев Иван Алексеевич, полностью признаю себя виновным в том, что состоял одним из активных членов контрреволюционной группировки церковников города Бежецка,

34

которая на протяжении ряда лет проводила антисоветскую контрреволюционную деятельность против существующего строя.

Характерным примером нелегального сборища было 24 сентября 1933 года, когда духовенство собралось в Никольской сторожке после торжественного служения по случаю десятилетнего юбилея епископа Григория...

На этом сборище Сретенский завел разговор о том, что в стране плохо дело со снабжением, что колхозы не оправдывают... надежд на обеспечение страны хлебом и вообще продуктами. Присутствующий здесь Кладовский Алексей (село Алабузино) говорил, что он живет в деревне и знает жизнь колхозников и видит, что им живется очень трудно, так что лучше бы им бежать из колхозов без оглядки.

В ответ на это я, Козырев Иван, говорил, что знаю жизнь колхозников в деревне Кучели и знаю, что многие из колхозников в настоящее время сидят без хлеба и в нем нуждаются. В этом же духе слышались разговоры и от других сидящих за столом, но кто и что говорил, в настоящее время не помню. Епископ Григорий Козырев по этому вопросу говорил, что если жизнь трудная, то и надо на это смотреть как на Божие наказание, в проповедях надо призывать народ к терпению, к покорности Промыслу Божию.

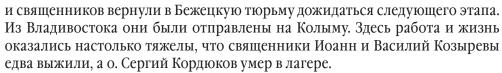
Ко мне часто заходят из деревень духовенство и верующие, и все жалуются на трудную жизнь и на недостатки...»

О. Василий виновным себя не признал. В тот же день, 22 февраля, он показал: «В первые годы существования Соввласти до 1919 года я работал преподавателем сельской школы в селе Смердынях... После этого работал там же счетоводом потребкооперации до 1920 года и по 1921 год инструктором Рыбинского Губсоюза потребкооперации, но, будучи недоволен Советской властью, и в особенности проводимыми ею в то время мероприятиями, как, например, прекращением преподавания Закона Божьего в школах... решил стать священником Никольской церкви в городе Бежецке в целях укрепления православной веры. Хотя я и был недоволен существующим строем, но... беседы вел исключительно с лицами узкого круга близких мне людей... Больше показать ничего не могу...» На следующий день врач освидетельствовал состояние здоровья подследственных. Оказалось, что перед самым арестом о. Иоанн тяжело переболел воспалением легких. Плеврит так и остался, а также развились малокровие и истощение организма вследствие того, что в тюрьме почти не кормили. Больным оказался и о. Василий. Но священников и отправляли на смерть, их арестовывали с тем, чтобы они никогда не вернулись, и поэтому приглашенный судебно-медицинский эксперт написал каждому в сопроводительной бумаге: «Годен для исполнения тяжелых физических работ». Через день Тройка ОГПУ вынесла постановление: священников Сергия Кордюкова, Василия Козырева и Ивана Козырева заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Их должны были отправить в северо-восточные лагеря с первым этапом 13 марта, но тюремный вагон к назначенному этапному дню не пришел,

В конце октября 1936 года по окончании срока заключения священники вернулись в Бежецк и поступили на службу в храм. Дома они встретились с братом, епископом Григорием. Он подробно расспрашивал их о том, как им жилось в лагере, как проходило следствие, о чем их спрашивали и что отвечали братья. Они рассказали, что следователь обвинял их в создании церковной контрреволюционной организации, причем роль главы организации отводил епископу Григорию.

Теперь, после лагеря, священническое служение было уже исповедничеством. Наступил 1937 год, повсюду шли аресты; им стало ясно, что не миновать заключения.

В сентябре 1937 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. Опыт следствия 1934 года многому их научил – прежде всего тому, что оно держится на лжи, что следователи ради достижения своей цели не побрезгуют ничем, что ни одному их слову верить нельзя. И потому оставался единственный выход – быть в меру сил мужественным, не признавать и не подписывать лжи и молить Бога о том, чтобы Он даровал силы все претерпеть. Первый раз о. Иоанн был допрошен сразу же после ареста, 21 сентября. Следователь спросил, почему в его доме не было обнаружено никакой переписки, ведь, находясь на Колыме в лагере, он писал домой. Священник ответил, что переписку он сжег.

- Следствию известно, что в июле 1937 года Вы произносили в церкви проповеди, сопровождаемые контрреволюционными комментариями. Вы подтверждаете это? спросил его следователь.
- Нет, я отрицаю это. Мои проповеди, кои я читал в церкви, были исключительно религиозного содержания, ответил о. Иоанн.
- Следствию известно, что среди верующих Вы объясняли аресты священников... желанием Советской власти перед выборами в Верховный Совет изолировать арестами нежелательных ей людей от участия в выборах... Вы подтверждаете это?
- Да, я действительно в беседах объяснял аресты священников желанием Советской власти устранить неугодных ей людей от участия в выборах... Мой арест я объясняю сейчас тем же.

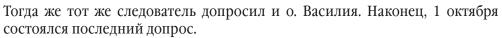
1 октября состоялся последний допрос.

- Следствием установлено, что, находясь на высылке и возвратясь с таковой, Вы продолжали состоять членом контрреволюционной группировки и заниматься контрреволюционной агитацией среди населения. Вы все еще будете отрицать то, что уже бесспорно доказано?
- Я окончательно утверждаю, что членом контрреволюционной группировки... не состою и контрреволюционной агитацией не занимался... ответил о. Иоанн.

ó

- Следствию известно, что в проповедях, кои Вы произносили в церкви, Вы допускали контрреволюционные выпады по адресу Советской власти, изображая большевиков в виде сошедшего на землю антихриста. Вы подтверждаете это? спросил его следователь.
- Нет, я произносил проповеди исключительно религиозного содержания,
- ответил о. Василий.
- Как установлено следствием, Вы распространяли среди верующих клевету на сталинскую конституцию, заявляя, что Советская власть арестами неугодных ей людей устраняет их от участия в выборах в Верховный Совет. Вы подтверждаете это?
- Нет, я отрицаю это. Я никогда такие объяснения верующим не давал.
- 1 ноября 1937 года Тройка НКВД по Калининской области приговорила священников Иоанна и Василия Козыревых к расстрелу. Они были расстреляны 3 ноября 1937 года.

21 октября (3 ноября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН МЕЛЬНИЦКИЙ

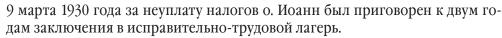
вященномученик Иоанн родился в 1878 году в деревне Шатеево Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье крестьянина Петра Мельницкого. В 1899 году он окончил третий класс Тверской духовной семинарии, после чего ему пришлось оставить учебу ради помощи отцу в его крестьянском хозяйстве. Но мысль посвятить себя всецело служению Богу не оставляла молодого человека, и он подал прошение епархиальному архиерею, в котором высказал свое пожелание. 5 мая 1907 года он был определен исправляющим должность псаломщика к церкви села Воротилово Бежецкого уезда, а 19 июня 1908 года утвержден в этой должности.

21 ноября 1908 года Иван Петрович был рукоположен в сан диакона к той же церкви. Все это время он был учителем и законоучителем в Воротиловской церковно-приходской школе и законоучителем в Новинской земской школе. Он был не раз отмечен начальством, как писалось в наградных документах, «за безвозмездное и усердное преподавание Закона Божьего». Его служение на церковном и учительском поприще продолжалось до 1918 года. Летом 1918 года диакон Иоанн был переведен в храм села Илово Вышневолоцкого уезда, где прослужил до начала гонений 1929 года, когда власти одновременно с крестьянами, составлявшими в то время большую часть населения страны, стали уничтожать и духовенство. Для русских крестьян в то время храм и слово Божие оставались единственным источником подлинного просвещения.

В 1930 году о. Иоанн был лишен домашнего хозяйства, подспорья для семьи – супруги и шести детей, причем младшим детям было всего семь и пять лет.

• БЕЖЕЦК

Освободившись 20 марта 1932 года из Завидовской трудовой колонии, о. Иоанн подал святому архиепископу Фаддею прошение с просьбой определить его в один из храмов епархии. В 1933 году он получил место в селе Тальцы, куда за ним переехала и его семья. Здесь он прослужил до наступления новых гонений. Он был арестован сразу после праздника Покрова Божией Матери, 15 октября 1937 года, и на следующий день допрошен.

- Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, дайте правдивые показания о Вашей контрреволюционной деятельности, изложите факты,
- сказал следователь.
- Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил и виновным себя не признаю, ответил о. Иоанн.

Уже на следующий день следствие было закончено, материалы переданы на рассмотрение Тройки НКВД, а сам о. Иоанн переведен в тюрьму города Осташкова.

1 ноября Тройка приговорила его к расстрелу. Диакон Иоанн Мельницкий был расстрелян 3 ноября 1937 года.

12 (25) августа СВЯШЕННОМУЧЕНИК ИОАНН НИКОЛЬСКИЙ

вященномученик Иоанн родился 4 января 1878 года в селе Ляцково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье псаломщика Михаила Никольского. По окончании Тверской духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к одному из сельских храмов Кимрского уезда. В 1929 году власти обязали о. Иоанна привезти к 10 ноя-

бря на государственный хлебосдаточный пункт 25 пудов ржи. Священник в это время был в отъезде. Получив повестку 12 ноября, он на следующий же день привез рожь на хлебосдаточный пункт и был арестован за то, что опоздал на три дня. Суд приговорил священника к конфискации всего имущества и ссылке за пределы Кимрского района.

В Твери у о. Иоанна жил двоюродный брат, протоиерей Василий Владимирский, и священник решил переехать с семьей туда. Архиепископ Тверской Фаддей назначил о. Иоанна служить в Рождественскую церковь. В это время ОГПУ арестовало в Твери наиболее достойных священников и осудило их на заключение и ссылку, среди них и о. Василия Владимирского. Семьи арестованных оказались без поддержки, и оставшиеся на свободе священники старались чаще посещать их. Отец Иоанн стал чаще бывать у семидесятидвухлетней супруги о. Василия, Надежды Николаевны, у которой не было никого из родных. ОГПУ отметило частые посещения квартиры находящегося в тюрьме священника и решило арестовать о. Иоанна.

29 января 1933 года он был арестован и заключен в Тверскую тюрьму. Доказательств его виновности у ОГПУ не было никаких, и следователь попытался заполучить их через соседей Надежды Николаевны, но безуспешно. На следующий день о. Иоанн в камере написал заявление прокурору по наблюдению за органами ОГПУ. Он писал: «При допросе 14 марта... следователь очень интересовался, читал ли я в доме Владимирского газеты. Я пояснил, как и было, что, когда хозяйка занята была домашними хлопотами и я оставался один, я читал, что попадало под руку: книги или газеты. Непродолжительные разговоры наши вращались больше около личности ее мужа, теперь умершего. Вести какие-либо разговоры о политических событиях не располагали ни обстоятельства, ни обстановка. Письма от Владимирского получались все тревожные: его обокрали, оставшись без теплой одежды, он застудился, хворал, окончательно слег и помер. Жене его, убитой горем и в слезах, было не до посторонних разговоров. К квартире Владимирских прилегают три квартиры, отделяющиеся от нее легкими переборками и занятые посторонними жильцами. Кто же решится в такой обстановке устраивать чтение газет и обсуждение их в смысле критики политики существующей власти, на чем так настаивает гражданин следователь? Кто еще ходит к Владимирской, я не знаю. Случалось, что при мне заходили к ней по своим делам незнакомые мне женщины и, поговорив, уходили. Следователь Агафонов сказал мне, что в деле есть еще показания свидетелей о том, что в мае месяце мы трое: я, Флоренский и Владимирский, в квартире последнего читали газеты, делали какие-то политические выводы, злорадствовали; другое показание, что я где-то говорил о пришествии антихриста, о близкой кончине мира. Следователь не опросил меня по содержанию этих показаний, отказал мне дать очную ставку, между тем эти показания, если только они есть в деле, чисто провокаторские или корыстные... По показанию свидетеля, дело было в мае прошлого года. Владимирский в это время находился уже в исправительно-трудовом учреждении, а Флоренский в 1930 году выехал из Калинина и не бывает здесь...

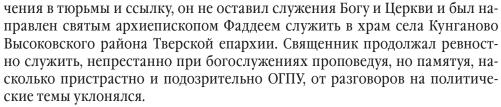
Уверяю Вас, гражданин прокурор, что показания мои вполне искренни, и прошу сделать распоряжение, чтобы Тройка при обсуждении моей виновности считалась с моими показаниями, написанными моею рукою, а не показанием, записанным неточно с моих слов следователем. Прошу Вас еще дать мне возможность иметь очную ставку со свидетелями, дававшими обо мне показания заведомо ложные. Виновным себя в антисоветской пропаганде я не признаю, тем более что я давно поставил себе жизненным правилом быть в стороне от политики...»

Заявление не было принято во внимание, и 26 апреля Тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан. Через три дня тюремным этапом о. Иоанн был отправлен в Алма-Ату.

Отец Иоанн вернулся на родину в Тверскую область в 1936 году, незадолго до наступления новых гонений. Несмотря на все преследования, заклю-

Однако того, что он дважды арестовывался и ни на следствии, ни в ссылке, ни уже выйдя на свободу, не выказывал ни малейшего раскаяния в выборе священнического служения, было достаточно, чтобы его арестовать вновь. Он был арестован 4 августа 1937 года. Вызванный на допрос о. Иоанн виновным себя не признал.

22 августа Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Никольский был расстрелян 25 августа 1937 года.

10 (23) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН СОФРОНОВ

вященномученик Иоанн родился 1 января 1875 года в селе Павловское Тверской губернии в семье крестьянина Василия Софронова. Он был призван в армию, где служил писарем в полковой канцелярии. Окончил годичные курсы при Духовной семинарии. До революции крестьянствовал, а когда пришло время гонений, изъявил желание послужить Церкви и был рукоположен в сан священника. Как почти все духовенство, он был в 1931 году арестован за невыполнение хозяйственных обязательств, наложенных на него государством, и приговорен к одному году исправительно-трудового лагеря. В храме села Волосково о. Иоанн стал служить в 1936 году. 26 июля сотрудник НКВД допросил представителей местных властей, считая, что те дадут показания, порочащие священника. Был допрошен председатель сельсовета, который сказал: «Священник Софронов в религиозные праздники, особенно в горячие дни, стал дольше служить обедни. 21 июля сего года на религиозный праздник «Казанскую» он во время служения призывал верующих к сбору средств на ремонт церкви.

23 июля сего года, когда я его пригласил в сельсовет для уплаты налога в сумме 1220 рублей, он платить отказывался и говорил, что платить не будет, а потом заявил: «Эх, Русь, до чего же ты дожила!»

Религиозная работа сейчас заметно сказывается на состоянии колхоза «Серп и молот» села Волосково. Благодаря проведенной священником Софроновым религиозной работе праздник «Казанскую» колхозники справляли три дня...» 29 июля о. Иоанн был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. Допросы начались сразу же после ареста.

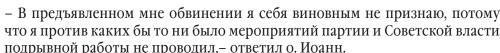
– Обвиняемый Софронов, вы обвиняетесь по статье пятьдесят восемь пункт десять. Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил его следователь.

40

- Следствию известно, что Вы собирали в селе Волосково единоличников и давали задание по сбору средств от населения, в то же время вели агитацию с ними же, чтобы не вступали в колхоз, так как жизнь колхозная ведет к обнищанию и гибели. Подтверждаете ли Вы это?
- Виновным себя в этом отношении не признаю.

20 сентября Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Софронов был расстрелян 23 сентября 1937 года.

3 (16) февраля СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ТОМИЛОВ

вященномученик Иоанн родился 18 февраля 1878 года в селе Еськи Бежецкого уезда Тверской губернии в семье священника Богоявленской церкви Иоанна Иоанновича Томилова и его супруги Ольги Николаевны, дочери служившего тут священника Николая Ивановича Ретивцева. Еськи были одним из крупнейших сел Бежец-

кого края, где начала свою деятельность знаменитая династия иконописцев Пошехоновых, о которых с большим уважением писал в свое время Лесков. В марте 1880 года святитель Николай Японский записал в своем дневнике о Пешехонове: «К Пешехонову – иконописцу; старец – почтенный и скромный; в мастерской мужички и мальчики пишут». Святитель заказал у Пешехонова иконостас для вновь построенного собора в Токио, «несмотря на высокую стоимость работы».

Получив начальное образование в Бежецком духовном училище и закончив в 1900 году Тверскую духовную семинарию, он 7 августа был определен псаломщиком к церкви села Сергиевское Новоторжского уезда, откуда 24 октября перемещен в село Баскаки Весьегонского уезда. 22 октября 1904 года псаломщик Иван Томилов был рукоположен во священника к церкви Знаменского-Смердынского погоста того же уезда. 12 января 1906 года о. Иоанна переместили к церкви села Садуново Корчевского уезда, но вскоре, 6 января, он перешел в приход, соседний к родному, сельца Хутор Диаконов-Приют. 31 марта 1908 года умер о. Иоанн Иоаннович, 50 лет прослуживший пастырем, и 7 апреля о. Иоанна перевели ко храму в родном селе Еськи на место отца. В этом храме о. Иоанн прослужил всю свою жизнь.

В начале 1931 года против священника и некоторых крестьян было возбуждено судебное дело за неуплату налогов. 1 марта 1931 года состоялся суд, и отец Иоанн был обвинен в том, что он «получил контрольное задание на выполнение 30 центнеров молока в декабре месяце 30-го года; в продолжение 1 месяца и 17 дней молока еще не сдал. Основание к несдаче молока (по объяснению обвиняемого), что корова выкинула, неосновательно, так как,

допуская при выкидыше понижение удоя на 50%, то и 50% удоя молока обвиняемый должен был сдать по принадлежности». Суд приговорил о. Иоанна к пяти годам ссылки с конфискацией имущества. Однако приговор не был приведен в исполнение, священника не выслали, и он продолжил служение в храме. Во время гонений в конце тридцатых 30-х годов против него было начато новое дело. Секретарь сельсовета составил для НКВД характеристику на священника, где написал, что тот работает служителем культа в Еськинской церкви и через отдельных граждан, бывшую монашку и других, ведет контрреволюционную работу; говорит, что священником служить в церкви не кончит до конца; около церкви, которую хотят взять под клуб, Томилов велит ночевать. Из других селений для похорон и крестин приезжают на лошадях, чтобы лошади заразились анемией, которая сейчас свирепствует в Еськах, через кормление и поение в водопоях села. Из отсталой части села Томилов организовал хор певчих, и через это колхозная дисциплина падает с каждым годом. 9 февраля были опрошены свидетели, которые показали, что священник говорил: «Нужно веровать в Бога и почитать Иисуса Христа, а в особенности в последние эти годы, так как, по Божьему Писанию, Советская власть, руководимая коммунистической партией, - это явный антихрист и этому антихристу скоро придет конец. Среди населения он пользовался большим авторитетом, так как сумел привлечь к себе некоторых из верующих путем агитации через произносимые им в церкви проповеди о религии, и они крепко запечатлелись в массе верующих, и поэтому в нашем сельсовете он является самым активным антисоветским агитатором, почему для партии и Советской власти он есть самый злейший и опаснейший враг». 10 февраля 1938 года о. Иоанн был арестован, заключен в тюрьму в городе Бежецке и в течение двух дней допрошен.

- Расскажите следствию, кому из граждан в сентябре 1937 года Вы сообщали сведения о войне Японии с Китаем и победе в ней фашистов? спросил его следователь.
- Я газеты читаю и литературой интересуюсь, но никаких сообщений по газетным материалам никому не делал, ответил священник.
- Следствием ваша виновность вполне установлена. Вы систематически за период с 1936 года по сие время в селе Еськи занимались антисоветской агитацией, террористически высказывались о руководителях коммунистической партии большевиков и Советской власти.
- Я никакой антисоветской агитации не вел, террористических выступлений по отношению к руководителям партии и Советской власти не делал, а поэтому и виновным себя в этом не признаю.
- Чем еще можете дополнить свои показания?
- Больше дополнить ничем не могу.
- 13 февраля Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Томилов был расстрелян 15 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле.

低

16 (29) ноября СВЯШЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ЦВЕТКОВ

ри беспощадных гонениях на Русскую Православную Церковь в Советской России все меньше оставалось священников, рукоположенных в дореволюционное время, и архиереи стали рукополагать в сан священника благочестивых мирян, дабы паства не осталась без духовного руководства и таинств и не были закрыты храмы.

Из таких пастырей был священномученик Иоанн. Он родился 17 марта 1878 года в городе Торжке Тверской губернии в семье огородника Степана Цветкова. В Торжке Иван Степанович окончил двухклассное образцовое училище при гимназии. Женился, но жена вскоре оставила его, а детей у них не было. В начале 20-х годов он был рукоположен в сан священника.

В 1929 году о. Иоанн, как и многие священники в те годы, был арестован, обвинен в невыполнении государственных поставок сельхозпродукции и приговорен к трем годам ссылки. После возвращения из ссылки он был назначен служить в храм села Перхово Удомельского района Тверской области и здесь встретил кровавое гонение 1937 года – о. Иоанн был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. И в тот же день состоялся допрос.

- Следствие располагает данными, что Вы ведете антисоветскую агитацию среди населения, сказал следователь.
- Я никогда среди населения антисоветской агитации не вел, ответил о. Иоанн.
- Вы говорили в церкви верующим, что Советская власть существовать будет недолго. Откуда Вы имеете такие данные?
- Я никогда и нигде этого не говорил.
- Какую цель Вы преследовали, когда колхозникам во время сенокоса говорили, чтобы они не выходили на работу, а шли в церковь молиться Богу?
- Я только приглашал тех колхозников, которые не заняты на работах, но основную силу колхоза я не приглашал и с работы не срывал.
- Вы признаете себя виновным в антисоветской контрреволюционной агитации?
- Не признаю.

27 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Иоанн Цветков был расстрелян 29 ноября 1937 года.

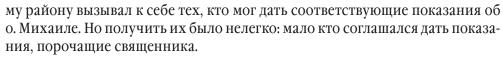
14 (27) ноября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИХАИЛ БЕЛЮСТИН

вященномученик Михаил родился 1 марта 1881 года в городе Твери в семье чиновника Тверской консистории Николая Белюстина. Окончил Тверскую духовную семинарию. Служил в селе Котово Молоковского района. В 1931 году переехал в Сонковский район и стал служить в храме погоста Сабурова.

После того как власти объявили начало гонений, ОГПУ стало собирать сведения о священнослужителях. Уполномоченный ОГПУ по Сонковско-

6 апреля 1933 года о. Михаил был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. 9 апреля следователь допросил священника, который, отвечая на вопросы, сказал:

– В деревне Сабурово существует правило приглашать священника на поминки, и в первых числах марта я был на поминках в деревне Сабурово у гражданки Горячевой, где были ее родственники. Каких-либо разговоров про политику Советской власти и правильность ее проведения я ни с кем не имел ни при каких обстоятельствах.

На следующий день районный уполномоченный ОГПУ составил обвинительное заключение, и дело было передано на рассмотрение Тройки ОГПУ, которая 26 апреля вынесла постановление: заключить священника в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. Отец Михаил был выслан в Саровские лагеря.

В 1935 году он освободился из лагеря и по благословению святого архиепископа Тверского Фаддея поехал в Сонково, где храм в погосте Прилуки был в то время без священника. В ноябре 1936 года, несмотря на начавшуюся государственную кампанию, направленную на закрытие храмов, о. Михаилу удалось перерегистрировать православную общину погоста Прилуки и прилегающих к нему деревень – Гладышево, Синяево, Прибериха, Григорьевка, Сносы, Моисеиха, Селы.

Начавшееся в 1937 году новое гонение не обошло никого, и 12 ноября о. Михаил был арестован и заключен в бежецкую тюрьму. 20 ноября следователь НКВД допросил священника.

- Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной агитации, направленной на срыв колхозного строительства. Подтверждаете ли Вы это?
- Нет, не подтверждаю. Антисоветской агитации я не вел.
- 25 ноября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Священник Михаил Белюстин был расстрелян 27 ноября 1937 года.

4 (17) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ СРЕТЕНСКИЙ

вященномученик Николай родился 15 апреля 1867 года в селе Толстиково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Ивановича Сретенского. Когда Николаю исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в Бежецкое духовное училище, окончив которое, он поступил в Тверскую духовную семинарию. Прой-

дя курс семинарии, Николай Алексеевич полгода работал учителем в земской школе, затем был переведен на должность духовного надзирателя, в коей проработал несколько месяцев. В 1890 году, когда ему исполнилось двадцать три года, Николай Алексеевич был рукоположен в сан священника ко храму Бежецкого Благовещенского монастыря, в котором прослужил до своего ареста в 1937 году. С 1906 года о. Николай состоял действительным членом Тверского православного миссионерского общества. С 1910 года – член благотворительного общества во имя святой великомученицы Варвары для вспомоществования бедным воспитанницам Тверского епархиального женского училища. В 1915 году за двадцатилетнее преподавание Закона Божьего в различных школах о. Николай был награжден орденом Анны III степени.

В семье о. Николая было двое детей – сын и дочь. Сын Владимир родился в 1895 году, поступил в Екатеринославский горный институт, но окончить успел только два курса, так как началась Первая мировая война, и он был направлен в Петергофскую школу прапорщиков, а затем на Германский фронт. В связи с большевистской революцией и развалом фронта, летом 1918 года он вернулся к родителям в Бежецк, но вскоре уехал в Екатеринослав, откуда с отступавшей Белой армией попал за границу. Некоторое время жил в Польше и работал механиком на заводе, а затем уехал во Францию и окончил в Париже физико-математический институт и горную академию. Прослужив несколько лет в Бежецком монастыре, о. Николай стал пользоваться большой любовью и уважением прихожан. Несмотря на беспощадные гонения 20-х годов, в Бежецке при монастыре еще в середине 30-х годов жили около пятидесяти монахинь. Из монастырских зданий они были изгнаны, жили по частным квартирам, но по-прежнему собирались в храме, отправляли монастырские службы и держались монашеского образа жизни. Когда власти в городе попытались закрыть все храмы, монахини воспротивились этому и начали собирать подписи верующих жителей города под прошением не закрывать храмы.

Отец Николай был арестован сразу же после начала гонений лета-осени 1937 года – 5 августа и в тот же день был допрошен.

- Расскажите, как Вы лично реагировали на закрытие бежецкими властями Введенской церкви, спросил следователь.
- Я считал это мероприятие бежецких властей неверным. Хотя церковь и не обслуживалась мною, я все же осуждал священников Введенской церкви и церковный совет за то, что они допустили закрытие властями этой церкви. Я полагал, что они боятся репрессий со стороны Советской власти, ответил священник.
- Скажите, в читаемых вами в церкви проповедях Вы упоминали о бесах. Кого Вы понимали под бесами?
- Да, я действительно упоминал в своих проповедях о бесах, призывая верующих не верить бесам, не поддаваться их соблазнам. Под бесами я понимал тех бесов, о коих сказано в Евангелии.

- Вы использовали своих монашек в собирании подписей за недопущение закрытия церкви?
- Нет. Я знал, что государство все равно не пойдет навстречу нашему ходатайству о недопущении закрытия церкви.
- Вы признаете себя виновным в том, что являлись участником контрреволюционной группировки духовенства, возглавляемой епископом Григорием Козыревым, и проводили антисоветскую агитацию?
- Нет, не признаю.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Сретенский был расстрелян 17 сентября 1937 года.

4 (17) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ ЛЕБЕДЕВ

вященномученик Николай родился в 1867 году в селе Лощемля Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье священника Андрея Лебедева. По окончании Тверской духовной семинарии он был рукоположен в сан священника. В 30-х годах о. Николай служил в храме села Русская Кошева Краснохолм-

ского района. Имел семью – жену Прасковью Ивановну, двух сыновей и двух дочерей, но к началу 30-х годов дети выросли и разъехались по другим городам. Чтобы не повредить им, о. Николай почти не переписывался с ними и адреса их скрывал от посторонних, говоря, что связи с ними не поддерживает. Даже супруга его жила не вместе с ним в селе, где он служил, а в Бежецке. Самому священнику в 1937 году исполнилось семьдесят лет, и можно было надеяться, что власти, учитывая возраст, не арестуют его. Однако для ареста и мученической кончины во время гонений ограничений в возрасте не было.

Отец Николай был арестован 8 августа 1937 года и заключен в Бежецкую тюрьму. Через три дня следователь допросил священника.

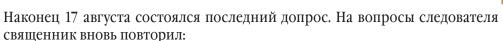
- Как Вы реагировали на закрытие советскими властями в городе Бежецке церквей? – спросил его следователь.
- Я лично в душе был недоволен закрытием церквей, но никаких препятствий или действий, направленных к недопущению закрытия, не предпринимал, ответил священник.
- Следствием установлено, что Вы являлись участником контрреволюционной группировки духовенства... Вы признаете себя виновным в этом и что можете показать по существу?
- В контрреволюционной группировке я не состоял, о таковой не слышал и не знаю. Антисоветской агитацией не занимался.

Следователи НКВД были недовольны ответами престарелого священника, его отказом подписывать лжесвидетельства и снова, и снова допрашивали.

46

– Дополнить чем-либо свои предыдущие показания не могу, виновным себя в принадлежности к контрреволюционной группировке не признаю и антисоветской агитацией не занимался.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Лебедев был расстрелян 17 сентября 1937 года.

16 (29) ноября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

вященномученик Николай родился 23 июля 1887 года в Тверской губернии в селе Покров, где служил в храме его отец, протоиерей Иоанн Троицкий. По окончании Духовной семинарии Николай Иванович был рукоположен в сан священника ко храму села Покров недалеко от города Удомля. Здесь он прослужил до гонений конца 20-х – начала 30-х годов.

В 1930 году власти арестовали священника за то, что он не смог уплатить налог, и приговорили к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и пяти годам ссыл-

ки. Когда о. Николай в 1932 году вернулся из заключения в Тверь, святой архиепископ Фаддей благословил его служить в храме села Верескуново Удомельского района. Там благочестивый священник прослужил до кровавого гонения 1937 года. 20 ноября 1937 года НКВД арестовал о. Николая, и он был заключен в тюрьму города Бежецка. В тот же день следователь допросил священника:

- Скажите, в религиозный праздник Покров, 14 октября, после службы в церкви Вы были в сторожке?
- Да, в сторожке после службы я был.
- Скажите, к чему сводился Ваш разговор с колхозниками относительно отсутствия дождей?
- Я говорил, что Бог начинает наказывать людей за их действия; вот вода вышла вся, и колодцы все высохли, народ может пострадать из-за безбожников от засухи и жажды, и тогда отступившие от Бога будут каяться. Такой разговор с колхозниками с моей стороны сводился исключительно к убеждению в необходимости веры в Бога.
- Такой разговор с колхозниками сводился, Троицкий, к другому, а именно к восстановлению колхозников против Советской власти, и следствие требует от Вас искреннего признания.
- Стремления восстановить колхозников против Советской власти у меня не было.
- Вы обвиняетесь в проведении антисоветской агитации среди населения. Признаете вы себя в этом виновным?

– Виновным себя в проведении антисоветской агитации не признаю. 27 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Николай Троицкий был расстрелян 29 ноября 1937 года.

16 (29) декабря СВЯШЕННОМУЧЕНИК ПЕТР ЗИНОВЬЕВ

вященномученик Петр родился 20 июня 1894 года в селе Березники Вольского уезда Саратовской губернии в семье священника Константина Зиновьева. В 1914 году Петр Константинович окончил Духовную семинарию, некоторое время служил псаломщиком, а затем был рукоположен в сан священника ко хра-

му города Петровска Саратовской губернии. Был женат, имел троих детей; старшей дочери Серафиме было в 1937 году девятнадцать лет, сыну Геннадию – тринадцать, младшей дочери Зое – одиннадцать лет. В те годы он имел небольшое хозяйство – корову и двадцать две десятины земли. Как ни трудно было жить во время начавшихся после 1917-го года гонений, но священник не оставлял службы Богу ради выгод земных. Так продолжалось до 1935 года, когда ОГПУ потребовало от священника выехать из Саратовской области. А куда было ехать? Как и многие священники Нижнего Поволжья, где служил в 1920-х годах архиепископ Фаддей, он поехал к этому праведнику. В Тверской епархии о. Петр сразу же получил место священника в Воздвиженском храме города Бежецка, где прослужил до своего ареста в 1937 году. Волна гонений, арестов и расстрелов привела к тому, что в епархии почти не осталось священников. Отец Петр был арестован одним из последних.

В самую ночь ареста, 19 декабря, следователь НКВД допросил священника. – 18 декабря 1937 года в момент службы в церкви среди населения Вы распространяли слухи о невыносимом гнете над трудящимися в СССР, о гибели Советской власти и наносили оскорбления руководителям партии и правительства.

- Этого я не говорил и полностью отрицаю.
- В апреле 1937 года Вы призывали в момент службы в церкви население против Советской власти, обвиняя ее в закрытии церквей. Вы это подтверждаете?
- Это я отрицаю, этого я не говорил.

На следующий день, 21 декабря, следователь составил обвинительное заключение, в которое переписал показания лжесвидетелей. Через несколько дней, 27 декабря, Тройка НКВД приговорила о. Петра к расстрелу. Священник Петр Зиновьев был расстрелян через десять дней после ареста – 29 декабря 1937 года.

21 октября (3 ноября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРГИЙ СМИРНОВ

вященномученик Сергий родился 15 июня 1893 года в селе Борок Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье священника Иоанна Смирнова. Окончил Рыбинское училище и получил место учителя в родном селе; проработал здесь два года. Отец Иоанн настаивал, чтобы сын стал священ-

ником и посвятил свою жизнь служению Богу и народу Божьему. Сергей Иванович согласился с отцом и, напутствуемый его благословением, поступил в Ярославскую духовную семинарию. Окончив ее, он женился на благочестивой крестьянской девушке Надежде, певшей на клиросе. В 1919 году он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Санниково, расположенного в сорока километрах от Борка. Приход был бедным, при церкви не было дома причта, и отец Надежды Матвеевны помог им купить дом. Здесь о. Сергий прослужил до 1935 года. К этому времени у супругов родилось четверо детей. Отец Сергий проявил себя ревностным пастырем и великим нищелюбецем, делясь последним куском хлеба с неимущими.

В 1935 году власти потребовали от священника уплаты налога, который он за отсутствием денег не смог заплатить. Власти описали все имущество и выгнали о. Сергия с семьей из дома, и им пришлось скитаться, снимая квартиры. Как ни хорошо относились крестьяне к своему приходскому священнику, но страх был сильнее, и из-за этого хозяева боялись оставлять его у себя в доме на продолжительное время. У одних хозяев была ступа, и кто-то из прихожан подарил о. Сергию три килограмма ржи. Он взял ступу, чтобы истолочь зерно. Некто донес, что священник занимается помолом, и о. Сергий был арестован и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь за неуплату налога. В то время, когда он находился в заключении, из села Санниково были выселены все жители, а само село затоплено Рыбинским водохранилищем.

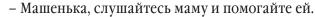
Вернувшись через год из заключения, о. Сергий поехал в Тверь к архиепископу Фаддею, чтобы получить приход, и был направлен в Воздвиженский храм села Теблиши. Восемь месяцев о. Сергий жил на приходе один, но затем ему дали небольшой домик, и в апреле 1937 года он перевез в Теблиши семью.

Отца Сергия арестовали на третий день после Сергиева дня, 11 октября 1937 года. Из дома при обыске взяли все, включая старенький, уже ветхий подрясник. На следующий день жена Надежда с дочерью Марией отправились в районный центр, село Кеверичи, узнать, что с их батюшкой. Он в это время находился здесь в тюрьме. Жена с дочерью подошли поближе к окошку и увидели стоявшего у решетки о. Сергия, который крикнул жене:

Надя, держись, не плачь, на твоих плечах дети, тебе надо их вырастить.
 А дочери сказал:

Они заплакали. В это время к ним подошел конвоир и, схватив девочку за ворот, отшвырнул от окна, сказав:

- Уходите, а то сейчас и вы будете там.

Они вернулись в Теблиши. Дом власти отобрали, и семья оказалась на улице, но молитвами исповедника не осталась без Божьего призрения. Директор льнозавода, хотя сам был коммунистом, но, узнав, какую нужду терпит семья арестованного священника, вызвал Надежду Матвеевну к себе и предложил ей работу повара в столовой и комнату.

Отца Сергия через несколько дней вызвал к себе в кабинет начальник местного НКВД и предложил:

– Откажитесь от сана священника. Мы вам дадим работу. Будете работать учителем в средней школе в Теблишах.

Отец Сергий наотрез отказался, сказав:

– Нет, я никогда этого не сделаю. Никогда. Я священник. Я сын священника. Мой прадед был священником.

Неделю о. Сергия продержали в Кеверичах, а затем перевели в Бежецкую тюрьму, и сразу же начались допросы.

- Вы обвиняетесь в антисоветской и контрреволюционной деятельности, проводимой Вами среди населения. Признаете ли себя в этом виновным?
- Контрреволюционной деятельности я не проводил и виновным себя в этом не признаю; я лишь только то признаю, что проводил службу в церкви. 20 октября было составлено обвинительное заключение и передано на рассмотрение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Сергий Смирнов был расстрелян 3 ноября 1937 года.

22 февраля (7 марта) МУЧЕНИК АНДРЕЙ ГНЕВЫШЕВ

ученик Андрей родился 3 августа 1872 года в городе Бежецке в семье купца Ивана Гневышева, занимавшегося торговлей мучным товаром и для этой цели арендовавшего в городе лавку. Андрей Иванович наследовал занятия отца и занимался торговлей льняным семенем, льноволокном, став со временем

крупным специалистом в этой области. Не оставляя своего торгового дела, он служил сортировщиком во французской фирме «Эрнест Маке», имевшей его своим представителем в Бежецке.

В Первую мировую войну Андрей Иванович был призван на фронт рядовым. После революции все его имущество: склады, лавки и дома – было отобрано властями. Дом, в котором он жил с женой, сгорел во время пожара в 1921 году, и Андрей Иванович выстроил на этом же месте новый, но его впоследствии отобрали власти, и ему пришлось снимать квартиру. Андрей

Иванович, впрочем, никогда не жалел о потере имущества – Бог дал, Бог и взял. К 1937 году у него осталась лишь лошадь с зимней и летней упряжью, что позволило ему работать возчиком в государственном учреждении.

Глубоко верующий человек, Андрей Иванович был старостой в Никольском храме в Бежецке, где в то время служил викарий Тверской епархии, епископ Бежецкий Григорий (Козырев); с ним и с его братьями-священниками Андрей Иванович имел давние дружеские отношения.

Настало время массовых беспощадных гонений, и местные органы НКВД стали составлять справки на всех церковнослужителей и верующих для последующего их ареста. З ноября 1937 года заместитель начальника Бежецкого отдела НКВД составил справку на арест Андрея Ивановича, где говорилось, что тот принадлежал «к церковной контрреволюционной группировке из числа бывших торговцев и монахинь». В ночь со 2 на 3 ноября Андрей Иванович был арестован, заключен в Бежецкую тюрьму и допрошен.

- Следствие располагает данными, что Вы, будучи на одном из собраний духовенства, говорили о нерентабельности колхозов и возмущались режимом Советской власти. Признаете ли вы себя в этом виновным? спросил его следователь.
- Виновным себя в этом не признаю, подобных мыслей против колхозов или Советской власти не высказывал, ответил староста.
- Следствием установлено, что Вы в августе 1937 года... в церкви среди населения выражали ярую злобу в адрес Советской власти, проповедуя о невыносимой жизни в Советском Союзе, и угрожали крестовым походом папы Римского. В этом Вы себя виновным признаете?
- Нет, это полностью отрицаю и заявляю, что этого я не говорил никогда.
- Следствие последний раз от Вас требует правдивых показаний о Вашей контрреволюционной деятельности.
- Заявляю, что я вообще рассказывать следствию о контрреволюционной деятельности не буду, так как я ее никогда не проводил.

27 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила Андрея Ивановича к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

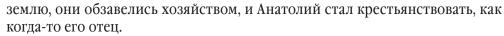
После смены руководства НКВД и расстрела главы НКВД Ежова, жена Андрея Ивановича, Антонина Ивановна, стала хлопотать об освобождении мужа, но приговор был оставлен без изменений. Староста Никольской церкви Андрей Иванович Гневышев скончался 7 марта 1941 года в Каргопольлаге Архангельской области и был погребен в безвестной могиле.

31 октября (13 ноября) ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК АНАТОЛИЙ (БОТВИННИКОВ)

реподобномученик Анатолий родился 15 октября 1881 года в деревне Копани Быховского уезда Могилевской губернии в семье крестьянина Ивана Ботвинникова. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, умер отец, и мать с сыном переехали в Тобольскую губернию; им дали

Началась Русско-японская война, и Анатолий был призван рядовым на действительную военную службу. Во время военных действий он оказался в Порт-Артуре, был ранен, попал в плен, где пробыл около года; последствия ранения остались на всю жизнь – у него была ограничена подвижность руки и спины.

После заключения мирного договора с Японией Анатолий Иванович был отпущен из плена и вернулся домой. Он никогда раньше не помышлял о служении Церкви, но война, близость смерти, ранение, жизнь в плену среди язычников произвели переворот в душе молодого человека, выделив главное – спасение своей души; и он принял решение – если останется жив, то станет монахом.

В апреле 1906 года он поступил в один из сибирских монастырей. Здесь в течение нескольких лет он выполнял самые различные послушания. В 1912 году он был направлен в качестве православного миссионера в Китай. Через год он вернулся в Россию и поступил в Николо-Теребенский монастырь Тверской губернии и здесь принял монашеский постриг с оставлением того же имени. В 1920 году монах Анатолий был рукоположен в сан иеродиакона. Через год советские власти упразднили монастырь, но оставили храм, где он и продолжал служить. Через несколько лет он был рукоположен в сан иеромонаха и в 1928 году направлен в храм села Сорогожье Михайловского района Тверской области, где его застали гонения начала 30-х годов. 27 октября 1930 года помощник уполномоченного ОГПУ допросил комсомольцев Сорогожского сельсовета - юношу двадцати четырех лет и девушку двадцати лет, которые дали показания против приходского священника. Отец Анатолий уже был арестован, а следователь еще в течение трех последующих дней собирал доказательства о его антигосударственной деятельности, опрашивая жителей села. Вот что ему удалось собрать: «В апреле месяце текущего года в религиозный праздник Пасху поп сорогожской церкви Ботвинников, будучи в деревне Хальково, среди присутствующих крестьян говорил, что «сорогожская церковь, граждане, старая и скоро развалится, служить в ней нельзя, надо хлопотать об открытии Алексеевской церкви». Дальше он, обращаясь к ним, говорил: «Верующие, не бросайте церковь, не верьте басням, что нет Бога. Бог есть! Вспомните, будет суд, воскреснут живые и мертвые, и всем грешникам попадет по заслугам, попадут они в геенну огненную»».

Собрав все эти сведения, 18 ноября следователь допросил о. Анатолия.

«Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю, – сказал о. Анатолий, – и добавить что-либо не имею».

1 декабря помощник уполномоченного составил обвинительное заключение, где священнику вменялось в преступление распространение «ложных слухов среди крестьянства о якобы производимом гонении Советской властью на церковь и служителей культа». 10 декабря 1930 года Тройка ОГПУ приговорила иеро-

52

монаха Анатолия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. После освобождения в 1934 году он стал служить в храме в селе Дубровское Брусовского района Тверской области. Иеромонах Анатолий прослужил на своем новом приходе три с половиной года.

15 октября 1937 года о. Анатолий был арестован, и на следующий день следователь допросил его.

- Следствию точно известно о проводимой Вами контрреволюционной деятельности, расскажите сами об этом подробно.
- Контрреволюционной деятельностью я не занимался и никакой антисоветской агитации не вел и виновным себя в этом не признаю.

При опросе свидетелей следователю почти не удалось собрать показаний против священника. Говорили только, что он сравнивал дореволюционную и новую жизнь и не был сторонником государственных займов.

После ареста и допроса священник был заключен в тюрьму города Бежецка. Спустя немного времени, 11 ноября, Тройка НКВД вынесла постановление о его расстреле. Иеромонах Анатолий был расстрелян 13 ноября 1937 года.

16 (29) декабря ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК МАКАРИЙ (СМИРНОВ)

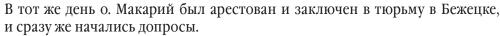
реподобномученик Макарий (в миру Михаил Ефимьевич Смирнов) родился 1 апреля 1877 года в селе Мелехово Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье крестьян Евфимия и Анны. Родители вместе с сыном часто посещали монастыри, так что у него, в конце концов, созрело желание оставить мир и поселиться в монастыре. Он окончил Духовную семинарию, принял монашеский постриг с именем Макарий и священнический сан, но в каком году это произошло, нам неизвестно. Монастырь, где он подвизался, просуществовал до 1928 года. После его закрытия о. Макарий служил священником в храме, но в 1933 году власти обложили его непомерными налогами и за их неуплату приговорили к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Выйдя из лагеря, иеромонах Макарий стал служить в храме в селе Красная Поляна, куда он приехал летом 1937 года, незадолго до последнего ареста и мученической кончины.

«Дежурные свидетели», секретарь сельсовета и председатель сельской кооперации, были допрошены 19 декабря 1937 года. Они показали, что священник обратился к прихожанам с просьбой о помощи, сказав: «Помогите, меня задавила Советская власть налогами, требуя от меня выплатить тысячу рублей. Если я не уплачу, то меня посадят». Еще его обвиняли в том, что он говорил верующим, что церковь отдавать не надо, она им самим нужна. Свидетели показали, что, когда в сентябре 1937 года власти все же закрыли храм, священник хлопотал, чтобы люди собирали подписи, препятствуя окончательному его закрытию.

- Вы подговаривали верующих, чтобы они восставали против закрытия церкви.
- Нет, это я отрицаю. Возможно, они сами организовывались, я этого не знаю, но слышал, что до моего прихода собирали подписи среди верующих о том, чтобы не закрывали церковь.
- Следствием установлено, что Вы, собрав верующих, призывали их к тому, чтобы они восставали против закрытия церкви. Признаете в этом себя виновным?
- Этого я не признаю. Я верующим говорил о том, что нужно ремонтировать церковь, а то ее закроют, антисоветскую агитацию не проводил.
- Вы уличаетесь конкретными фактами в контрреволюционной агитации. Признаете ли себя виновным?
- В контрреволюционной агитации виновным себя не признаю.
- 27 декабря Тройка НКВД приговорила о. Макария к расстрелу. Иеромонах Макарий был расстрелян через день, 29 декабря 1937 года.

21 октября (3 ноября) ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК СОФРОНИЙ (НЕСМЕЯНОВ)

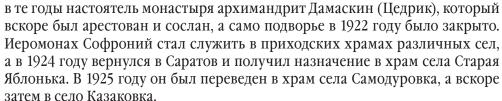
реподобномученик Софроний родился 11 марта 1870 года. Когда ему исполнился двадцать один год, он был призван на действительную службу в армию. Начальство определило его в артиллерийскую бригаду, стоявшую в городе Бендеры, где ему приходилось исполнять обязанности плотника. По окончании военной службы в 1899 году Софроний Харитонович поступил плотником на машиностроительный завод Гартмана и проработал здесь девять лет. Ему было уже тридцать восемь лет, когда он сделал решительный выбор в своей жизни и, оставив мир, профессию, которая кормила и обеспечивала его, поступил послушником в Свято-Духовский монастырь в городе Царицыне, где принял монашеский постриг с оставлением того же имени. Вскоре он был назначен на должность эконома. В 1910 году епископ Алексий (Дородницын) взял его к себе келейником и рукоположил в сан иеродиакона. В 1915 году епископ Петровский, викарий Саратовской епархии Дионисий (Прозоровский), рукоположил его в сан иеромонаха к одному из храмов в Саратове. В 1917 году он прожил несколько месяцев в Хвалынском монастыре и затем был командирован в миссионерскую школу в село Подлесное к иеромонаху Антонию, где подвизался до середины 1918 года.

В январе 1919 года о. Софроний ушел на юг России и поступил в Добровольческую армию Деникина полковым священником, где прослужил до разгрома белого движения, но с белыми не эмигрировал, решил остаться на родине, чем бы ему это ни угрожало. В 1920 году он поступил на подворье Георгиевского Балаклавского монастыря в Екатеринодаре, где жил

12 февраля 1928 года иеромонах Софроний был арестован. Через несколько дней, в праздник Сретения, состоялся допрос. Заполняя анкету, следователь спросил о. Софрония, каковы его политические убеждения и признает ли он Советскую власть? Отец Софроний ответил:

– Признаю и приветствую ту власть, при которой я живу.

Когда следователь спросил, где о. Софроний находился во время Гражданской войны, мужественный священник ответил:

– В 1919 и в 1920 годах добровольно служил в армии Деникина полковым священником.

Следователь спросил, был ли он судим при Советской власти? Отец Софроний ответил:

– Был судим в 1926 году за преподавание Закона Божьего. И сейчас у меня описано все имущество за неуплату налогов.

После ареста о. Софрония и заключения его в тюрьму города Вольска верующие храма Рождества Богородицы, где служил о. Софроний, направили делегацию в Вольск с письменным ходатайством об освобождении священника, под которым подписалось около двухсот человек. В своем прошении они писали: «11 февраля 1928 года по распоряжению вашему (ОГПУ. – И.Д.) был арестован наш приходской священник иеромонах Софроний Несмеянов, который находится теперь в исправдоме города Вольска. Настоящим свидетельствуем, что иеромонах Софроний за время своего служения у нас в храме и приходе не говорил речей против Советской власти и ее представителей. В своих речах он всегда призывал помогать бедным людям. Сам он всегда в том показывал пример, разделял свой доход беднякам. Всегда он был прост в своем обращении с прихожанами, старыми и малыми. Зная о нем как о болезненном человеке, мы боимся за его здоровье. И тем более он нам нужен теперь, идет Великий пост. Смело ручаемся, что иеромонах Софроний всегда придет к ответу перед ГПУ. А посему просим выпустить его для служения нам». Получив прошение, ОГПУ в тот же день отправило о. Софрония этапом из Вольска в Саратовский изолятор специального назначения.

Отец Софроний виновным себя не признал и, находясь в тюрьме, 19 апреля написал в ОГПУ заявление, которое передал через старшего надзирателя по корпусу. 17 августа 1928 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить священника из-под стражи, «зачтя в наказание срок предварительного заключения».

После освобождения о. Софроний стал служить в храме села Улыбовка Саратовской области. Поднялась новая волна гонений. Советская власть

вновь лишала крестьян земли, предоставив им единственную возможность труда на земле - быть рабочими в коллективном хозяйстве. Не коллективного хозяйства боялись крестьяне, деды которых еще не забыли, что и при царе было общинное землевладение. Но то было страшно, что теперь коллективное хозяйство устраивалось людьми неверующими. Для устроителей колхозов и Советской сельской власти самым страшным противником виделся сельский священник, к которому крестьяне шли разрешать все свои вопросы и думы, и на священников посыпались доносы. Составлялись они и на о. Софрония, и 29 декабря 1930 года он был арестован. Его обвинили в том, что он будто бы «вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий Советской власти и партии, проводимых на селе; группируя женщин, подготавливал массу против хлебозаготовок, займов и разлагал работу колхоза». На допросе 17 января 1931 года о. Софроний категорично сказал: «С антисоветской агитацией против мероприятий партии и властей нигде не выступал. Женщин и мужчин не группировал. Против хлебозаготовок, коллективизации, займа среди крестьян не говорил. К свержению Советской власти массу не подготавливал и коммунистам и активу угроз не делал». 14 февраля Тройка ОГПУ приговорила его к ссылке в Северный край на три года.

В 1933 году иеромонах Софроний вернулся из ссылки в город Вольск и устроился работать сторожем в Святотроицком храме, но не сторожем хотелось ему быть, и в 1935 году он уехал в Тверь, к архиепископу Фаддею, просить места священника. Владыка направил его служить в храм села Рождественское Кашинского района.

Через год иеромонах Софроний был переведен в село Ульянова Гора, а в феврале 1937 года – в храм села Лозьево Бежецкого района. Священнику было тогда шесть десть лет, и, не поднимись в это время новая волна беспощадных гонений, прослужил бы он в храме до самой кончины.

22 сентября 1937 года НКВД арестовал о. Софрония, и сразу же начались допросы, во время которых священник виновным себя не признал.

Следователи, однако, настаивали, чтобы о. Софроний признал себя виновным, и тогда он вообще отказался отвечать на вопросы, и следователи составили протокол, в котором написали, что священник на поставленные вопросы отвечать отказался, виновным себя не признал, от подписи по неизвестным причинам отказался.

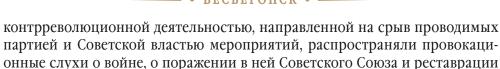
Неудовлетворенный, однако, таким поворотом дела, следователь через день снова приступил к допросу священника.

- Следствием установлено, что Вы проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых на селе коммунистической партией и советской властью. Требую от Вас искренних признаний по существу дела, сказал следователь.
- На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю, ответил священник.
- Следствием установлено, что Вы на протяжении ряда лет занимались

BECЬЕГОНСК

- капитализма в стране Советов. Признаете ли Вы себя виновным в этом? На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.
- Вашим ответом следствие не удовлетворено. Требую вашей откровенности и искренней признательности по существу дела.
- Повторяю, что на поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

Подписываясь под последним своим ответом, о. Софроний, несмотря на неудовольствие следователя, написал: «С ответами согласен, а с задаваемыми вопросами не согласен».

Не доверяя ни в чем лживому, жестокому следствию, о. Софроний в конце последнего протокола допроса своей рукой написал: «От подписи протокола отказываюсь».

1 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила иеромонаха Софрония к расстрелу. Он был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

14 (27) ноября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР ТИТОВ

вященномученик Петр родился в 1890 году в селе Титовское Телятинской волости Весьегонского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Николая Титова. Он окончил Тверскую духовную семинарию и был определен псаломщиком в село Федоровское Конаковского уезда. В 1924 году он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Архангельское Кимрского района.

Во время его служения в Архангельском начались мероприятия Советской власти по коллективизации крестьянских хозяйств. Представители властей, непосредственно занимавшиеся коллективизацией, видели в ней не только хозяйственное мероприятие, но и идеологическое, направленное против веры и Православной Церкви. Будучи заинтересованными противниками Церкви, многие из устроителей колхозов искали любой повод для ареста священников.

10 февраля 1930 года в селе Архангельское остановились на ночлег кимрские коммунисты. Они тут же на месте произвели небольшое следствие, собрав слухи о жизни прихода, где служил о. Петр. Они узнали, что в воскресенье, 9 февраля, богослужение в храме продолжалось с шести часов утра до четырех часов вечера. Этого факта показалось им вполне достаточно, чтобы применить репрессивные меры к священнику. Придя к председателю сельсовета, они потребовали от него обеспечить явку священника в Кимрское ОГПУ для ответа, почему он собрал в храме около шестисот человек верующих и служил целый день.

• ВЕСЬЕГОНСК •

Один из коммунистов сразу же по приезде в Кимры, 11 февраля, сам пошел в отдел ОГПУ и дал показания против священника. На этом основании 17 февраля ОГПУ арестовало о. Петра и заключило под стражу. И только тогда следователи приступили к допросам свидетелей, заранее решив, что вне зависимости от их ответов священник должен быть осужден, а храм закрыт. 5 марта следователь вызвал на допрос священника. На его вопросы о. Петр ответил: «В Архангельской церкви я священником начал служить с 1924 года. Общественной жизни, проживая в селе Архангельское, я не касался. Организован ли в настоящее время колхоз в селе Архангельское, я точно сказать не могу. Во время службы в церкви 9 февраля действительно собралось очень много верующих, приблизительно человек четыреста. Я думаю, что причиной такого сбора послужило то, что церкви в соседних селах закрыты. Проповедь во время богослужения я в этот день не говорил. Служба началась с пяти часов утра и продолжалась до пяти часов вечера. Что за скандал был возле церкви, я не слышал и из церкви не выходил. По своему приходу я ходил в праздники Рождества и Крещения с разрешения РИКа, в приходе я нигде не говорил о том, что коммунисты закрывают церковь и служить буду в последний раз. Никакой агитации среди верующих против колхозного движения я не вел и его совершенно не касался. Кроме меня, священнослужителей в храме в селе Архангельское нет».

15 мая 1930 года Тройка ОГПУ постановила выслать священника в северный край на три года.

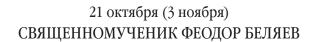
Домой, в Тверскую область, о. Петр вернулся только в 1935 году. Его супруга Наталья и двое детей, сын и дочь, жили в это время в селе Федоровском, где в храме служил тесть о. Петра, священник Феодосий Судаков. Отец Петр стал служить в этом храме в качестве псаломщика, а в июле 1937 года получил место священника в селе Селихово и переехал туда. Но недолго он здесь прослужил – 27 октября он был арестован и заключен в Тверскую тюрьму; сразу же начались допросы.

- Расскажите о Вашей враждебной деятельности по отношению к Советской власти по возвращении из ссылки, спросил его следователь.
- Враждебных действий к Советской власти по возвращении из ссылки я не проявлял, ответил священник.
- Следствию известно, что во время отпевания в церкви умершей дочери священника Судакова, которая до этого отбывала срок наказания за антисоветскую деятельность, Вы произнесли антисоветскую речь, что якобы эта мученица пострадала от Советской власти за веру Христову. Подтверждаете Вы это?
- Не подтверждаю, так как антисоветской речи я во время похорон дочери моего тестя, священника Судакова, не говорил.
- 18 ноября следствие было закончено; 25 ноября Тройка НКВД приговорила о. Петра к расстрелу. Священник Петр Титов был расстрелян 27 ноября 1937 года.

58

• ВЕСЬЕГОНСК •

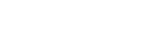

вященномученик Феодор родился 12 ноября 1867 года в селе Везгум Белозерского уезда Новгородской губернии (ныне Вологодская область) в семье священника Евгения Беляева. В 1889 году он окончил Олонецкую духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в Троицком храме села Улома Череповецкого уезда. Здесь же, по пришествии Советской власти, был в 1919 году арестован Череповецкой ЧК, но вскоре освобожден.

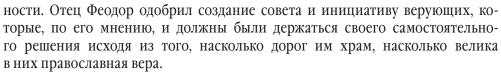
В марте 1922 года прихожанам Троицкой церкви в селе Улома стало известно, что власти собираются прислать комиссию для изъятия церковного имущества. Власти к этому времени продемонстрировали всей России свою жестокость и лживость, и у большинства православных возникло впечатление, что не на помощь голодающим пойдет церковное достояние. Это предположение было не далеко от действительности: церковные вещи иногда оставались и у тех, кто непосредственно их изымал, и сама центральная власть широко жертвовала их – то на подарки 1-й Конной армии, то на содержание государственных чиновников, то на дополнительные выплаты членам Комиссии по изъятию ценностей.

Прихожане храма, в основном женщины, решили создать свою комиссию по защите храма. На воскресенье, 26 марта, было назначено собрание членов совета общины, которое должно было переизбрать председателя совета и решить хозяйственные вопросы, связанные с приближающимся праздником Пасхи. Однако женщины решили провести свое собрание, где главным вопросом был грядущий приезд Комиссии по изъятию церковных ценностей. Чтобы не ставить под угрозу совет общины, его членам было велено удалиться; священник, который числился в то время председателем совета, также не был приглашен - он служил в это время заказной молебен в передней части церкви. Собравшиеся сразу же выбрали председателя собрания - образованную, энергичную и глубоко верующую женщину Ольгу Васильевну Левину. Первым и единственным вопросом, обсуждавшимся на собрании, был вопрос об изъятии ценностей. Были внесены предложения, что если придут отбирать ценности, то звонить в колокола, чтобы всей волостью встать на защиту храма, а если будут отбирать силой, то оказать физическое сопротивление. После обсуждения решили избрать комиссию по защите ценностей и во время изъятия послать по деревням нарочных для оповещения. На собрании присутствовали женщины из многих деревень, и от лица прихожан почти двадцати деревень были составлены приговоры, что жители их не согласны отдавать церковные вещи.

После собрания Ольга Васильевна с женщинами пошла к о. Феодору и сообщила, что ими создан женский приходской совет, цели которого – поддерживать чистоту в храме, наблюдать за порядком и охранять церковные цен-

28 марта среди жителей волости прошел слух, что в Улому приехала комиссия из Череповца, которая вскоре намерена приступить к изъятию ценностей из храма. В одной из деревень ударили в набат, в некоторых деревнях появились нарочные, которые стали призывать крестьян идти в Улому защищать храм. Вскоре перед зданием Уломского волостного исполкома собралась толпа в две тысячи человек, в основном женщин, которые стали требовать комиссию и кричать, что они ни в коем случае церковных ценностей не отдадут. Это было около трех часов дня.

Между тем о. Феодор в этот день в семь часов утра уехал из села за дровами; вернувшись домой, он поехал отпевать младенца в соседнюю деревню, а оттуда – в другую деревню крестить ребенка и освободился далеко за полдень. Проезжая по селу, он увидел, что перед исполкомом собралась огромная толпа. Дома супруга сказала, что там обсуждают всех работников исполкома.

Через некоторое время к священнику прибежал нарочный из исполкома и велел, чтобы о. Феодор срочно шел с ним. В исполкоме от о. Феодора потребовали, чтобы он немедленно вышел к народу, успокоил его и объяснил, что бессмысленно окружать исполком, поскольку изъятие ценностей сейчас проводиться не будет; они попросили священника убедить собравшуюся толпу согласиться с необходимостью изъятия ценностей из церкви.

Отец Феодор отказался, сказав, что если он даже и выйдет, то ничего из этого не получится, так как верующие сочтут, что священник так говорит, потому что запуган, и не послушаются его.

Тогда к толпе вышел представитель власти. Некоторое время его слушали, а потом стали прерывать криками. Собравшиеся заявили, что никаким речам представителей власти не верят, и пусть лучше выйдет к ним батюшка и все объяснит.

Оратор вернулся в волостной исполком и предложил о. Феодору выйти к толпе и сказать, что сейчас изъятия ценностей не будет; к моменту изъятия должен прибыть специальный уполномоченный из Череповца, о чем верующие будут своевременно извещены. Священник отказался. Рассерженные сотрудники исполкома стали спрашивать у священника, говорил ли он в храме проповеди о необходимости пожертвований, о том, чтобы отдать без пользы лежащие в церкви ценности, поскольку миллионы людей голодают, а десятки тысяч умирают от голода – ведь с призывом к пожертвованиям обратились высшие служители христианской религии, знает ли об этом священник. – Не стоит и говорить, – ответил о. Феодор. – Газет я не читаю и никаких воззваний не знаю.

В это время толпа вплотную придвинулась к зданию, и некоторые женщины стали уже проходить внутрь. Священнику в категорической форме было при-

казано, чтобы он вышел к народу. Отец Феодор ничего не ответил, он прошел в другую комнату, где собралось в это время человек двадцать женщин, и, обращаясь к ним, сказал:

– Вот сейчас говорят, что вы не знаете, что есть голодные, и ничего не жертвуете; что ж, надо жертвовать.

В ответ женщины стали кричать, что они все время жертвуют и почти все отдали.

Священник на это сказал:

– Вот сейчас здесь говорят, что не все из церкви возьмут, а только лишнее. Сказав это, он повернулся и ушел домой. Толпа стояла, не расходясь, наводя страх на волостные власти; был вызван отряд милиции, который рассеял толпу.

На следующий день, 29 марта, власти арестовали священника Феодора Беляева, членов церковного совета и председателя женского совета защиты храма. Начались допросы. На вопросы следователя священник ответил: «Отдавать церковное имущество – дело верующих, а не служителей церкви. Никаких мер к успокоению граждан мною принято не было, так как я в это время был в отлучке, но хотя бы и был, то ничего бы не предпринял. Когда я был в Весьегонске 24 марта, то слыхал, что и там постановили ценности не отдавать, а жертвовать кто чем может».

17 мая 1922 года в Череповце состоялось заседание Губернского революционного трибунала, который приговорил о. Феодора к четырем годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

После освобождения о. Феодор вернулся служить в то же село, но в 1931 году снова был арестован за невыполнение произвольно назначенной нормы хлебозаготовок и приговорен к пяти годам ссылки.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, о. Феодор поступил служить в Макарьевский храм села Макарово Весьегонского района Тверской области. Из пятнадцати лет церковного служения, с 1918 по 1933 год, восемь лет он провел в заключениях и ссылке. Когда о. Феодор вернулся из ссылки, он, уже не имея ничего своего, ни дома, ни имущества, жил в церковной сторожке вместе со сторожем, глубоко верующим православным человеком.

Отец Феодор всю свою жизнь ревновал только о храме и службе и ничего не боялся; когда не стало хватать средств на содержание храма и на дрова, потому что власти обложили приход налогами, он сам пошел собирать деньги среди прихожан. Сельсовет донес об этой деятельности священника в соответствующее учреждение, но тогда дело осталось без последствий. В конце 1936 – начале 1937 года власти начали новое гонение на Православную Церковь, и 17 марта сельсовет закрыл храм. Отец Феодор в тот же день стал добиваться открытия храма, объясняя членам двадцатки и верующим, что храм закрыт незаконно. Он написал жалобу во ВЦИК и сам собрал под ней подписи верующих. А пока храм был закрыт, он ходил по домам прихожан – служил молебны и совершал требы.

Через месяц сельсовет объявил, что на территории деревень, прилежащих к Егонскому сельсовету, началась эпидемия сыпного тифа, и священнику было запрещено ходить по домам. Это была явная ложь, и о. Феодор продолжал ходить по селам и деревням.

Бывало, когда о. Феодор приходил в сельсовет платить налоги, председатель принимался его убеждать, что Бога нет и религия это обман, пытался уговорить его оставить все церковное и священническую службу. Но в своем исповедании православия о. Феодор оставался тверд и на таковые предложения отвечал так: «Веры я никогда не оставлю и умру на службе священником».

8 октября 1937 года о. Феодор был арестован и заключен в тюрьму в Весьегонске. Тогда ему было уже семьдесят лет. При аресте взяли последнее, что у него оставалось, – девятнадцать книг духовного содержания и портрет Иоанна Кронштадтского; святой праведный Иоанн не раз проезжал теми местами, где служил о. Феодор. 15 октября следователь допросил о. Феодора:

- В 1935 году при изъятии колокольной бронзы в церквях и в апреле месяце 1937 года Вы на почве религиозных убеждений создавали недовольство среди населения, настраивали его против Советской власти, при этом вели антисоветскую агитацию. Расскажите следствию, в связи с чем это Вы проводили контрреволюционную деятельность? спросил его следователь.
- Разговора о снятии колоколов в церкви с моей стороны я не помню, но насчет закрытия церквей разговор в сторожке в апреле 1937 года был. Я тогда говорил, что скоро все церкви закроют, а верующим Советская власть веровать запретит, ответил священник.
- При выполнении зернопоставок колхозниками летом 1936 года и в июне 1937 года Вы вели антисоветскую агитацию против государственных зернопоставок, при этом высказывались в контрреволюционной форме. Припоминаете ли Вы это?
- Я этого припомнить не могу, потому что антисоветской агитации я не вел. В тот же день было составлено обвинительное заключение и отправлено на рассмотрение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка постановила о. Феодора расстрелять. Священник Феодор Беляев был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

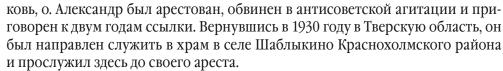

7 (20) февраля СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР ТАЛЫЗИН

вященномученик Александр родился 15 августа 1870 года в селе Типня Весьегонского уезда Тверской губернии в семье священника Иоанна Талызина. После окончания Духовной семинарии Александр Иванович был рукоположен во священника и служил в храмах Тверской епархии. В 1928 году, во время гонений на Русскую Православную Цер-

КРАСНЫЙ ХОЛМ •

Отец Александр был арестован 10 февраля 1938 года и заключен в тюрьму в Красном Холме. Сразу же после ареста он был допрошен, но виновным себя не признал, и следователь, не имея материалов, доказывающих состав преступления священника, вызвал дежурных свидетелей, и те подписали необходимые показания.

12 февраля следствие было закончено и передано на рассмотрение Тройки НКВД. На следующий день, 13 февраля, Тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Талызин был расстрелян 20 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

23 декабря (5 января) ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК МАКАРИЙ (МИРОНОВ)

реподобномученик Макарий родился около 1882 года в деревне Филино прихода села Михайловское Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье крестьянина Феодора Миронова и в крещении был наречен Михаилом. В 1909 году он был послушником Московского Богоявленского монастыря. Дальнейшая его жизнь была тесно связана со служением епископа Кишиневского и Хотинского Серафима (Чичагова). В начале октября 1909 года епископ Серафим прибыл в Москву как один из руководителей Всероссийского съезда монархистов, и тогда же послушник Михаил был переведен из Московской в Кишиневскую епархию. 8 октября 1909 года он был зачислен указным послушником в Кишиневский архиерейский дом, 9 декабря в Крестовой церкви пострижен в монашество с наречением ему имени Макарий, 13 декабря возведен в иподиакона, а 26 декабря рукоположен во иеродиакона. Во время служения владыки Серафима отец Макарий постоянно сослужил ему и сопровождал в поездках по епархии.

В 1914 году архиепископ Серафим был переведен на Тверскую кафедру, и о. Макарий переехал с ним в Тверь. 28 марта 1914 года он был зачислен в число братии Тверского архиерейского дома и 25 апреля рукоположен во иеромонаха. 16 июня 1914 года архиепископ Серафим посетил Николаевский Антониев монастырь в городе Красный Холм Весьегонского уезда и «после обычной встречи обратился к братии с приветствием, в котором выразил надежду, что новый настоятель, игумен Иоанн [Гречников], приведет и внешний вид монастыря, и внутреннюю его жизнь в надлежащий вид, на должную высоту, дабы святая обитель могла быть светочем во всех отношениях для окружающей среды; он должен... вдохнуть в обитателей новые силы, дабы исчезли вражда и те дурные стороны, которые имели место в обители при прежнем настоятеле. И пусть здесь воцарится дух основателя монастыря и всех соединит в одну дружную

• КРАСНЫЙ ХОЛМ

семью, которая способна будет привлечь к себе мир и удовлетворить его высшие запросы! ... затем владыка начал осмотр всех храмов монастыря... осматривая древности, нашел, что они в полном небрежении и разорении; все это заметно волновало архипастыря, который велел оставшееся хранить от дальнейшего расхищения». 21 июля архиепископ Серафим зачислил иеромонаха Макария в братию этого монастыря.

11 апреля 1918 года архиепископ Серафим назначил о. Макария исполняющим должность казначея. 13 апреля архиепископ поделил монастыри Тверской епархии на два благочиннических округа; Антониев монастырь вошел в первый округ под управление благочинного, настоятеля Тверского Желтикова монастыря архимандрита Петра (Зверева). 20 сентября того же года временно управляющий Тверской епархией епископ Старицкий Серафим (Александров) в связи с арестом настоятеля монастыря Иоанна (Гречникова) назначил иеромонаха Макария исполнять обязанности настоятеля; 26 ноября он был награжден набедренником. В 1922 году, во время кампании по изъятию церковных ценностей, о. Макарий был арестован и приговорен к 9 месяцам лишения свободы. Вторично он был арестован в 1923 году за «сокрытие церковных ценностей на дому», но ввиду того что эти ценности были уже описаны и он их не скрывал, через 3 месяца о. Макарий был освобожден и продолжил служить в Антониевом монастыре. В 1920-х годах он был возведен в сан архимандрита. В 1929 году о. Макарий был снова арестован и приговорен к 8 годам высылки в северный край. В 1935 году он был освобожден досрочно - по болезни. К тому времени Антониев монастырь был уже закрыт, и с 1936 года архимандрит Макарий стал служить в церкви Воздвижения Честного Креста Господня села Завидово Кесовогорского района и жил неподалеку в деревне Завидовская Горка. 21 декабря 1937 года архимандрит Макарий был арестован и заключен в тюрьму в городе Кашине. Он обвинялся в том, что «сгруппировал вокруг себя церковников, устраивал в доме нелегальные сборища верующих, проводил контрреволюционную агитацию, распространял провокационные слухи о насилии, беззаконии и арестах». В предъявленных ему обвинениях виновным себя не признал. 30 декабря Тройка при УНКВД по Калининской области приговорила архимандрита Макария к расстрелу по обвинению в «антисоветской деятельности». Он был расстрелян 5 января 1938 года и погребен в безвестной могиле.

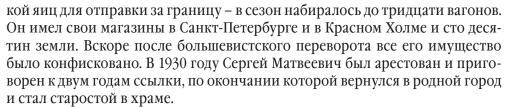

23 февраля (8 марта) МУЧЕНИК СЕРГИЙ БОРОДАВКИН

ученик Сергий (Сергей Матвеевич Бородавкин) родился 29 декабря 1878 года в городе Красный Холм Тверской губернии. Окончил городское училище. Он был купцом I гильдии и почетным гражданином города. До революции занимался торговлей мануфактурой и бакалеей, а также заготов-

64

лихославль •

Только закончились массовые аресты и расстрелы 1937 года, которые государственная власть распорядилась провести в течение четырех месяцев начиная с 5 августа, — 31 января 1938 года Политбюро ЦК приняло новое решение — «Об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии... чтобы всю операцию... закончить не позднее 15 марта 1938 года». 16 февраля 1938 года был арестован староста храма в городе Красный Холм Сергей Матвеевич Бородавкин и сразу же допрошен.

- Назовите Ваши связи в Краснохолмском районе, а также и вне района, потребовал следователь.
- В городе Красный Холм я имею сестру Антонину Матвеевну Комендантову и вне Краснохолмского района я имею брата Василия Матвеевича Бородавкина. Проживает в городе Ярославле, но где он работает, я сказать не могу, так как с ним переписки никакой не имею.
- Дайте следствию показания о проводимой Вами антисоветской агитации среди населения в Красном Холме.
- Какой-либо антисоветской агитации я среди населения в Красном Холме не вел и виновным себя в этом не признаю.

Через три недели, 6 марта, Тройка НКВД приговорила Сергея Матвеевича к расстрелу. Староста храма Сергей Матвеевич Бородавкин был расстрелян 8 марта 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

23 марта (5 апреля) ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК СЕРГИЙ (СРЕБРЯНСКИЙ)

реподобноисповедник Сергий родился 1 августа 1870 года в селе Трехсвятское Воронежского уезда Воронежской губернии в семье священника Василия Сребрянского и в крещении был наречен Митрофаном. Через год после рождения сына отца Василия перевели в село Макарий в трех километрах от

Трехсвятского. Как и большинство детей священников, Митрофан Васильевич получил духовное образование – в 1892 году он окончил Воронежскую духовную семинарию, однако священником стал не сразу.

Под влиянием народнических идей Митрофан Васильевич поступил в Варшавский ветеринарный институт. Оказавшись здесь среди равнодушных к вопросам веры студентов, во враждебной православию католической Польше, он начал усердно посещать православный храм. В Варшаве он по-

знакомился со своей будущей женой, Ольгой Владимировной Исполатовской, дочерью священника, служившего в Покровском храме в селе Владычня Тверской губернии; она окончила курс Тверской гимназии, собиралась работать учительницей и приехала в Варшаву навестить родственников. 29 января 1893 года они обвенчались.

Живя в Варшаве, Митрофан Васильевич стал сомневаться в правильности выбора своего пути. В душе было пламенное желание служить народу, – но достаточно ли было ограничиться внешним служением – стать специалистом в нужном для крестьян деле ведения хозяйства? Душа молодого человека, сохранившего от детства религиозные впечатления и получившего православное образование, ощущала неполноту такого рода служения, и он решил вступить на поприще служения священнического.

2 марта 1893 года епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) рукоположил Митрофана Васильевича во диакона к Стефановской церкви слободы Лизиновки Острогожского уезда, но диаконом о. Митрофан пробыл недолго – 1 марта 1894 года он был назначен священником 47-го драгунского Татарского полка и 20 марта рукоположен во священника.

15 января 1896 года о. Митрофан был назначен вторым священником Двинского военно-крепостного собора и 1 сентября того же года вступил в должность законоучителя Двинской начальной школы. 1 сентября 1897 года отец Митрофан был перемещен в город Орел и назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка, шефом которого была великая княгиня Елизавета Федоровна.

Летом 1903 года в Сарове состоялось торжественное прославление преподобного Серафима. На этих торжествах присутствовал и о. Митрофан. Здесь он был представлен великой княгине Елизавете Федоровне и произвел на нее самое благоприятное впечатление – искренней верой, смирением, простотой и отсутствием какого-либо лукавства.

В 1904 году началась Русско-японская война. 11 июня 51-й драгунский Черниговский полк выступил в поход на Дальний Восток. Вместе с полком отправился и о. Митрофан. За семь лет служения полковым священником в Орле он настолько сжился со своей воинской паствой, что она стала для него как одна большая семья, с которой он разделил все тяготы походной жизни. Везде, где представлялась возможность, он со своими помощниками ставил походную церковь и служил. Вместе с полком участвовал в сражениях. 15 марта 1905 года о. Митрофан, как опытный пастырь и духовник, был назначен благочинным 61-й пехотной дивизии и в этой должности прослужил до окончания войны. 2 июня 1906 года он вместе с полком вернулся в Орел. За выдающиеся пастырские труды, понесенные во время войны, о. Митрофан 12 октября 1906 года был возведен в сан протоиерея и награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте.

17 сентября 1908 года митрополит Московский Владимир (Богоявленский) назначил его настоятелем Покровской и Марфо-Мариинской церквей на

66

Сама Елизавета Федоровна в переезде о. Митрофана в только еще устрояемую обитель видела знак особого благоволения Божия к своему начинанию. «Господь благословил это наше дело через священника, – писала она государю, – к которому в Орел издалека люди приезжали за утешением и поддержкой. И вот оно мало-помалу начинается».

О. Митрофан, поселившись в обители, сразу же принялся за новое дело, отдавшись ему всей душой, как это было в Орле, когда он занимался постройкой церкви, устроением школы и библиотеки, как было и во время войны, когда он стал отцом духовных детей, которые каждодневно подвергались смертельной опасности. Он часто служил и, не жалея сил, наставлял тех, еще немногочисленных сестер, которые пришли жить в обитель.

9 августа 1916 года временно управляющий Московской епархией епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) представил в Синод прошение о награждении о. Митрофана митрою «за отлично-усердное служение его Святой Церкви, труды по обстоятельствам военного времени и полезную деятельность... в... обители». Великая княгиня, у которой было испрошено, как у настоятельницы, согласие, с радостью присоединилась к предложению наградить о. Митрофана за безупречную и усердную службу. 2 октября 1916 года он был награжден митрой. Наступил 1917 год — Февральская революция, отречение государя, арест царской семьи, Октябрьский переворот.

Почти сразу же после Февральской революции был совершен набег на Марфо-Мариинскую обитель вооруженных людей. Н.Е. Пестов так изложил рассказ о. Митрофана об этом событии: «К обители подъехал грузовик, в котором находилось несколько вооруженных солдат с унтер-офицером и одним студентом. Студент, видимо, не имел понятия, как обращаться с оружием. Он держал все время в руке револьвер, направляя дуло на всякого говорящего с ним. Сошедший с автомобиля отряд потребовал провести их к начальнице обители. Туда же сестры вызвали и о. Митрофана.

- Мы пришли арестовать сестру императрицы, заявил возглавляющий отряд унтер-офицер. А студентик подступил к матушке, направив на нее дуло своего револьверчика. Матушка с обычным для нее спокойствием положила руку на протянутый к ней револьвер и сказала:
- Опустите свою руку, ведь я же женщина!

тюшку, вдруг спросил его:

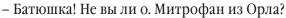
Смущенный ее спокойствием и улыбкой, студент сразу же сник, опустил руку и тотчас же исчез из комнаты. Отец Митрофан обратился к солдатам: – Кого вы пришли арестовывать? Ведь здесь нет преступников! Все, что имела матушка Елизавета, – она все отдала народу. На ее средства построены обитель, церковь, богадельня, приют для безродных детей, больница. Разве все это преступление? Возглавляющий отряд унтер, вглядевшись в ба-

67

- Да, это я.

Лицо унтера мгновенно изменилось. Обращаясь к сопровождавшим его солдатам, он сказал:

– Вот что, ребята! Я остаюсь здесь и сам во всем распоряжусь. А вы поезжайте обратно.

Солдаты, выслушав слова о. Митрофана и поняв, что они затеяли не совсем ладное дело, подчинились и уехали обратно на своем грузовике».

Однако вскоре великая княгиня Елизавета все же была арестована – она была отправлена на Урал, в Алапаевск, где 5 (18) июля 1918 года приняла мученическую кончину*.

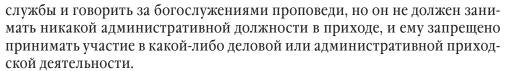
20 марта 1919 года исполнилось двадцать пять лет священнического служения о. Митрофана. В этот день его многочисленные духовные дети поднесли ему поздравительный адрес, полный искреннего чувства благодарности к своему пастырю, который был верен им и в дни мира, и на полях войны, и в годину еще худших и горших испытаний - гонений от безбожников. 25 декабря 1919 года Святейший Патриарх Тихон, хорошо знавший о. Митрофана, благодаря его за многие труды, преподал ему первосвятительское благословение с грамотой и иконой Спасителя. В это время решился для о. Митрофана и его супруги Ольги вопрос о монашестве. Много лет живя в супружестве, они воспитали трех племянниц-сирот и желали иметь своих детей, но Господь не дал исполниться их пожеланию. Увидев в этом Божию волю, призывающую их к особому христианскому подвигу, они, переехав в обитель, дали обет воздержания от супружеской жизни. Долгое время этот обет для всех был сокрыт, но когда произошла революция и наступило время гонения на Православную Церковь, они решили принять монашеский постриг. Постриг был совершен по благословению Патриарха Тихона. Отец Митрофан был пострижен с именем Сергий, а Ольга – с именем Елизавета. Вскоре после этого Патриарх Тихон возвел отца Сергия в сан архимандрита.

В 1922 году безбожные власти произвели изъятие церковных ценностей из храмов. Многие священнослужители были арестованы, некоторые расстреляны. Одним из предъявляемых им обвинений было чтение в храмах послания Патриарха Тихона, касающегося изъятия церковных ценностей. Отец Сергий, вполне разделяя воззрения Патриарха и считая, что не следует во избежание кощунств отдавать церковные сосуды, прочел послание Святейшего и был 23 марта 1923 года арестован. Пять месяцев он томился в тюрьме без предъявления обвинения, а затем по приказу ОГПУ от 24 августа 1923 года был выслан на один год в город Тобольск.

Из ссылки в Москву о. Сергий вернулся 27 февраля 1925 года и на следующий день, как бывший ссыльный, явился в ОГПУ, чтобы узнать решение властей относительно своей дальнейшей судьбы. Следователь, которая вела его дело, сказала, что священнику разрешается совершать церковные

О. Сергий вернулся в Марфо-Мариинскую обитель, поселившись в прежней квартире, располагавшейся в одном из обительских домов на втором этаже. Недолго пришлось о. Сергию прослужить в Марфо-Мариинской обители. В 1925 году власти приняли решение ее закрыть, а насельниц сослать. Часть здания была отобрана под поликлинику и ее работники, вознамерившись отобрать обительскую квартиру у о. Сергия, стали писать в ОГПУ, что священник, мол, занимается антисоветской агитацией среди сестер обители, говоря, что Советская власть преследует религию и духовенство. На основании этого доноса 29 апреля 1925 года о. Сергий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В течение некоторого времени он не знал о причинах своего ареста. Только 11 мая состоялся первый допрос, из которого он уяснил, в чем его обвиняют.

– Скажите, гражданин Сребрянский, – обратилась следователь к священнику, – кому из сестер Марфо-Мариинской обители Вы говорили, что Советская власть преследует религию и церковников?

– Злостно никогда об этом не говорил, – ответил он, – но мог сказать, что многие церковники высланы по подозрению в политической неблагонадежности, каковая у некоторых и могла быть, но я надеюсь, что вернется доверие Советской власти к нам.

Матушка Елизавета, узнав, в чем обвиняют о. Сергия, принялась хлопотать о его освобождении. Она написала заявление и подала Владимиру Черткову, возглавлявшему учреждение под названием «Осведомление и экспертиза по делам религиозных течений». Чертков поддержал просьбу и, сопроводив заявление своими пояснениями, направил его 25 июня 1925 года Петру Смидовичу, который в тот же день переправил все документы Тучкову. 30 июня дело было рассмотрено и принято решение освободить священника. 2 июля Коллегия ОГПУ прекратила дело, и о. Сергий был освобожден.

За то время, пока о. Сергий находился в заключении, Марфо-Мариинская обитель была закрыта, а сестры арестованы. Некоторые из них были высланы относительно недалеко – в Тверскую область, но большинство сослано в Казахстан и Среднюю Азию.

Архимандрит Сергий и монахиня Елизавета выехали на родину Елизаветы – в село Владычня Тверской области и поселились в бревенчатом, покрытом дранкой, родительском доме. Первое время о. Сергий не служил, но часто ходил молиться в Покровский храм, в котором стал служить с 1927 года. 10 марта 1931 года сотрудники ОГПУ допросили архимандрита Сергия. Рассказав о своей службе в качестве полкового священника, о. Сергий сказал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

7 апреля 1931 года Тройка ОГПУ приговорила о. Сергия к пяти годам ссылки в северный край. Священнику было тогда шестьдесят лет, и после нескольких тюремных заключений, ссылки, этапов здоровье его было сильно подорвано, он испытывал постоянное недомогание. А время было самое тяжелое для ссыльных. Прошла коллективизация. Крестьянские хозяйства были разорены. Хлеб продавался только по карточкам и в самом ограниченном количестве, а посылки доходили лишь в период судоходства, которое прекращалось на всю зиму и на время, пока сплавлялся лес.

Архимандрита Сергия поселили в одной из деревень на реке Пинеге. Здесь жило тогда много сосланного духовенства. Ссыльные священники работали на лесоразработках и сплаве леса. Архимандрит Сергий работал на ледянке – вел по ледяной колее лошадь, тащившую бревна. Эта работа хотя и была легче пилки и рубки в лесу, но требовала большой ловкости и спорости. Отец Сергий благодаря своей подвижнической жизни, постоянной молитвенной настроенности, духовным советам и умению утешать страждущих в тяжелых для них обстоятельствах вскоре стал известен как глубоко духовный старец, которому многие стали поверять свои беды, в молитвенное предстательство которого верили.

Величественная и суровая природа Севера произвела большое впечатление на исповедника. «Огромные ели, закутанные снежными одеялами и засыпанные густым инеем, стоят как зачарованные, – вспоминал он. – Такая красота – глаз не оторвешь! И кругом необыкновенная тишина... чувствуется присутствие Господа Творца, и хочется без конца молиться Ему и благодарить Его за все дары, за все, что Он нам посылает в жизни, молиться без конца...»

Несмотря на болезни и преклонный возраст, старец с помощью Божией выполнял норму, отмеренную ему начальством. Когда приходилось корчевать пни, он делал это один и в короткое время. Иногда он даже специально замечал по часам, за какое время ему удастся выкорчевать пень, над каким, бывало, трудились несколько человек ссыльных.

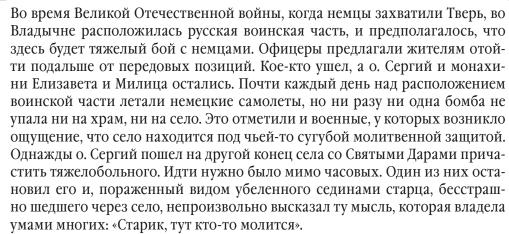
В 1933 году о. Сергий был освобожден и вернулся в Москву, где пробыл всего один день – простился с закрытой и разоренной обителью и отправился с монахиней Елизаветой во Владычню.

На этот раз они поселились в доме, купленном духовными детьми о. Сергия. Это была небольшая изба с русской печью, кирпичной лежанкой и просторным двором. Здесь прошли последние годы жизни старца. Покровский храм во Владычне был закрыт, и о. Сергий ходил молиться в соседнее село в Ильинский храм. Впоследствии власти стали выказывать неудовольствие по поводу его появления в храме, и он был вынужден молиться дома. Последний период жизни о. Сергия стал временем старческого окормления духовных детей и обращавшихся к нему страждущих православных людей, что было особенно насущно в то время, когда большинство храмов было закрыто, а священники арестованы.

70

Неожиданно воинская часть была снята с этой позиции, так как бои развернулись на другом направлении, неподалеку от села Медное. Местные жители, очевидцы событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам архимандрита Сергия.

За исповеднический подвиг, за праведную жизнь и глубокое смирение Господь наделил о. Сергия дарами прозорливости и исцеления. Со смирением о. Сергий рассказывал как-то Наталье Соколовой, что люди считают его прозорливым, а «это действует благодать священства, – говорил он. – Вот пришел ко мне этим летом молоденький пастушок. Плачет, убивается. Три коровы у него из стада пропали.

- Меня, говорит, засудят, а у меня семья на руках.
- А ты где искал их? спрашиваю.
- Да двое суток и я, и родные, и товарищи всю местность кругом обошли нет трех коров! Погиб я теперь!

Мы пошли с ним кразвалинам разрушенной церкви, которые метрах в двухстах от избушки моей. Там горка разбитых кирпичей на месте престола. А перед Богом ведь все равно это место святое – там, где алтарь был. Там таинство свершалось, там благодать сходила. Вот мы с пастухом помолились там Спасителю, попросили Его помочь нам найти коровушек. Я сказал пастуху:

- Иди теперь с верой на такой-то холм, садись и играй в свою свирель, они на звук к тебе сами придут.
- Ох, батюшка, да мы там с братьями все кустики уж облазили!

Ну, и на самом деле. Сидел пастух и играл на своей дудочке, а к нему в течение получаса все три коровы пришли. «Смотрю, – говорит, – рыжая из кустов выходит, за ней вскоре и белянка... Немного погодя и третья показалась! Как из земли выросли!»

В деревне Губка Тверской области, как свидетельствует уроженка этих мест Тамара Ивановна Круг, у одной девушки заболела нога, и болезнь приняла настолько тяжелый характер, что врачи посоветовали ей ехать

• ЛИХОСЛАВЛЬ

в Тверь в областную больницу и делать операцию. Прежде чем ехать в больницу, девушка с матерью пришли к о. Сергию. Он помолился об исцелении больной и сказал:

- В больницу поезжайте, но вы вскоре вернетесь.

Перед выездом в Тверь они сообщили близким, что болезнь приняла такой характер, что требуется встретить больную на вокзале, а иначе она не дойдет. Дочь с матерью сели в поезд в Лихославле и отправились в Тверь. И в поезде произошло полное исцеление больной, так что, когда они приехали в Тверь, девушка вышла на перрон совершенно здоровой.

В последние годы жизни архимандрита Сергия, начиная с 1945 года, его духовником стал протоиерей Квинтилиан Вершинский, служивший в Твери и часто приезжавший к старцу. Отец Квинтилиан сам несколько лет пробыл в заключении и хорошо знал, что это такое – нести тяготы и горечь гонений. Впоследствии он вспоминал об о. Сергии: «Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, передо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынножителя... Он весь был объят божественным желанием... Это чувствовалось во всем, особенно – когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении – излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. Когда он подходил к сущности темы, когда мысль его как бы касалась предельных высот христианского духа, он приходил в какое-то восторженно-созерцательное состояние и, видимо под влиянием охватившего его волнения, помыслы его облекались в форму глубоко-душевного лирического излияния.

Перед мысленными, созерцательными взорами старца раскрывается таинственный духовный мир с неисчерпаемыми красотами и умилением... Он в миру вел жизнь пустынника. Несомненно, эта способность созерцания стояла в связи с его душевной чистотой. Его ангельская чистота и бесстрастие, которыми была проникнута последняя, предсмертная исповедь, которую я принимал от него, привели меня в какой-то священный ужас. Я после этого понял душевное состояние Петра, когда он воскликнул: «Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный». В нем меня все удивляло, все было необыкновенно. Удивляло его незлобие. Как-то раз он заметил мне: «Плохих людей нет, есть люди, за которых особенно нужно молиться». В беседах его не было даже и тени неприязни к людям, хотя он и много страдал от них. Не менее поразительно было и смирение его. Как-то раз он сказал мне: «Вы счастливы, очень счастливы, ибо стоите у Престола Божия, а я вот за свои грехи и недостоинство лишен этой милости Божией». С людьми он был необыкновенно кроток и ласков. В душе собеседника он быстро находил больное место и врачевал. Несомненно, он имел дар утешать людей. Это я испытал на себе. Как-то раз я пришел к нему с тяжелым чувством на душе; лишь только переступил порог его убогой хижины, он с трудом встает со своего стула, - ноги его уже плохо держали, - сложивши крестообразно руки на груди, устремив свой

72

• ЛИХОСЛАВЛЬ •

взор кверху, вместо обычного приветствия он говорит мне: «Я страдаю и молюсь за Вас»; помолчав немного, продолжил: «Если бы Вы только знали, какой Вы счастливый, какая милость Божия почивает над Вами». На этом речь его оборвалась. Я не посмел искушать его вопросами. Когда я уходил от него, мне казалось, что я всю тяжесть души своей оставил у его ног. Пошел я от него радостный, – хотя скорби меня долго не покидали, однако я переносил их уже с удивительным благодушием. Несомненно, он имел дар постоянной молитвы. «Бывало, придешь к нему, – говорила мне местная обывательница, – а он, сердешный, стоит в переднем углу на коленочках, поднявши руки кверху, как мертвый; постоишь, бывало, так и пойдешь...»

Наступило приснопамятное весеннее утро, – вспоминал отец Квинтилиан. – На востоке загоралась заря, предвещавшая восход весеннего солнца. Еще было темно, но около хижины, где жил старец, толпились люди: несмотря на весеннюю распутицу, они собрались сюда, чтобы отдать последний долг почившему старцу. Когда я вошел в самое помещение, оно было забито народом, который всю ночь провел у гроба старца. Начался отпев. Это было сплошное рыдание. Плакали не только женщины, но и мужчины...

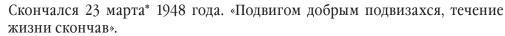
С большим трудом вынесли гроб через малые узенькие сенцы на улицу. Гроб хотели поставить на дровни, нести на себе его на кладбище было невозможно, ибо дорога на кладбище представляла местами топкую грязь, местами была покрыта сплошной водой. Тем не менее из толпы неожиданно выделяются люди, поднимают гроб на плечи... потянулись сотни рук, чтобы хотя коснуться края гроба, и печальная процессия с неумолкаемым пением «Святый Боже» двинулась к месту последнего упокоения. Когда пришли на кладбище, гроб поставили на землю, толпа хлынула к гробу, спешили проститься. Прощавшиеся целовали руки старцу, при этом некоторые как бы замирали, многие вынимали из кармана белые платки, полотенца, маленькие иконки, прикладывали к телу усопшего и снова убирали в карман.

Когда гроб опускали на дно могилы, мы пели «Свете Тихий». Песчаный грунт земли, оттаявшие края могилы грозили обвалом. Несмотря на предупреждение, толпа рванулась к могиле, и горсти песку посыпались на гроб почившего. Скоро послышались глухие удары мерзлой земли о крышку гроба. Мы продолжали петь, но не мы одни. «Смотрите! смотрите!» – послышался голос. – Это кричал человек с поднятой рукою кверху. Действительно, нашим взорам представилась умилительная картина. Спустившийся с небесной лазури необычайно низко, над самой могилой, делал круги жаворонок и пел свою звонкую песню, – да, мы пели не одни, нам как бы вторило творение Божие, хваля Бога, дивного в Своих избранниках.

Скоро на месте упокоения старца вырос надмогильный холмик. Водрузили большой белый крест с неугасимой лампадой и надписью: «Здесь покоится тело священноархимандрита Сергия – протоиерея Митрофана.

• ЛИХОСЛАВЛЬ «

Еще при жизни батюшка говорил своим духовным детям: «Не плачьте обо мне, когда я умру. Вы придете на мою могилку и скажете, что нужно, и я, если буду иметь дерзновение у Господа, помогу вам».

После кончины архимандрита Сергия почитание его как подвижника и молитвенника не только не уменьшилось, но со временем еще более возросло. Многие верующие приходили на могилу отца Сергия помолиться, получить духовное утешение и заступничество. Мощи преподобноисповедника Сергия были обретены 11 декабря 2000 года и ныне находятся в Воскресенском кафедральном соборе города Твери.

6 (19) апреля

МУЧЕНИКИ ПЕТР ЖУКОВ, ПРОХОР МИХАЙЛОВ И ИЖЕ С НИМИ

Священнику Знаменской церкви села Гнездово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии 27 марта 1918 года явились комендант Никулинской волости, два вооруженных красногвардейца, письмоводитель, два члена волостного комитета и предъявили письменное распоряжение председателя волостного совета Журавлева* произвести опись церковного имущества. В присутствии причта и церковного старосты они приступили к описи, в которую включили все вещи из серебра и меди и ризницу. Невзирая на бедность недавно построенного деревянного храма, они взяли из церкви все деньги: двадцать три рубля тринадцать копеек и две кассовые книжки на двести рублей. На четвертый день после этого события Журавлев был схвачен крестьянами и отправлен под конвоем в соседний Козловский комитет, но дорогой, при переходе моста через реку, он бросился в воду и утонул. Крестьяне признали это за явное наказание Божие за разорение церквей.

В апреле состоялся волостной сход, и прихожане села Гнездово стали упрекать красногвардейцев за то, что они незаконно захватывают церковное имущество. Особенно отличались своей ревностью в защите храма Петр Жуков и Прохор Михайлов. Красногвардейцы тут же на сходе арестовали около тридцати человек и заключили их под стражу в здание волостного комитета. Здесь их избили, а затем через некоторое время повели в уездный город Вышний Волочек. Дорогою арестованных крестьян жестоко били, и, пока дошли до города, красногвардейцы убили десять человек. В волостном комитете Петра Жукова избили так, что вся голова его была в ранах, были переломаны пальцы; на седьмой версте мучители покончили со своей жертвой: разрезали скулы, вырезали язык и застрелили. Не меньше мучений перенес и Прохор Михайлов, которого избивали два дня; дорогой ему нанесли восемь штыковых ран и застрелили уже на девятой версте, когда он потерял сознание и стал нечувствителен к пыткам.

74

8 апреля тела убиенных новых тверских исповедников были торжественно погребены в их приходе. Епископ Тверской Серафим (Александров) благословил оповестить о случившемся по всей епархии и отслужить всенародные панихиды во всех городских и сельских церквях.

4 (17) сентября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИХАИЛ БОГОРОДСКИЙ

вященномученик Михаил родился 19 сентября 1878 года в селе Молоково Тверской губернии. Его отец, Николай Богородский, был письмоводителем в имении помещика. По окончании Тверской духовной семинарии Михаил Николаевич был рукоположен в сан священника и служил в храмах Тверской епархии. За безупречное исполнение пастырских обязанностей в апреле 1922 года о. Михаил был награжден Святейшим Патриархом Тихоном наперсным крестом и саном протоиерея.

Безбожное государство беспощадно боролось с Церковью, обвиняя одних священнослужителей и православных мирян в политических преступлениях против государства, других - в неуплате непомерно высоких налогов. Любой представитель властей от любого священника мог потребовать выплаты огромной суммы. И поскольку чаще всего этих денег взять было неоткуда, то священника арестовывали, рассчитывая при этом закрыть и храм. Ревностная деятельность о. Михаила вскоре была замечена властями, и в январе 1930 года он был арестован и обвинен в том, что «в декабре 1929 года уклонился от выполнения вторичных заданий по хлебозаготовкам, установленных для него Комиссией содействия по хлебозаготовкам». Суд приговорил священника к одному году лишения свободы и штрафу в размере четырех тысяч рублей. Но поскольку таких средств у него не было, не в силах он был выплатить и меньшую сумму налога, то суд постановил описать его имущество. Причем, желая отнять у прихожан добросовестного и уважаемого ими пастыря, суд постановил: «Ввиду его социальной опасности для данной местности, применить к нему ссылку из пределов Московской области* сроком на пять лет с обязательным поселением в отдаленных местностях, установленных НКЮ и НКВД». Через год о. Михаил был освобожден и вернулся в Тверскую епархию. По благословению архиепископа Тверского священномученика Фаддея он был направлен служить в Скорбященский храм села Селец Максатихинского района с назначением быть благочинным 11-го благочиннического округа. За ревностное пастырское служение протоиерей Михаил в апреле 1932 года был награжден палицею.

Как многие священники, побывавшие в заключении, о. Михаил держался осторожно, воздерживаясь говорить на политические темы. Но когда началось новое гонение на Православную Церковь, никакое благоразумие не могло оградить от ареста. Сотрудники НКВД вызвали запуганных лжесвидетелей, и хотя те не могли сказать об о. Михаиле ничего порочащего, но все, что

• МАКСАТИХА •

они говорили, оформлялось как ценные свидетельства. «В последних числах июля 1937 года возле церковной ограды при встрече с о. Михаилом на мой вопрос, как живется, о. Михаил Богородский ответил: «Живу ничего. Верующих увеличивается, тяга к церкви все больше и больше». Эти сведения позволили следователю написать впоследствии, что контрреволюционная деятельность священника подтверждается свидетельскими показаниями и другими данными. В качестве свидетеля вызвали одного из жителей дома, где поселился о. Михаил, который показал, что тот говорил: «До революции было к священникам уважение, новая конституция дает возможность церковного служения, дает права священнику, как и остальным членам общества, и он, о. Михаил, никогда не бросит священническое служение».

8 августа 1937 года власти арестовали о. Михаила. При обыске забрали церковные документы, обратив особенное внимание на то, что ему благословляется быть духовником благочиния для духовенства и членов их семей. Поэтому первый вопрос сразу же после ареста священника был – какую организационную работу поручает о. Михаилу архиепископ Фаддей?

- В 1933–1936 годах я вел учет и исповедь духовенства и их семей в своем благочинии, ответил священник.
- Следствию известно, что Вы по возвращении из ссылки вели контрреволюционную и антисоветскую агитацию.
- Контрреволюционной и антисоветской работы я нигде и никогда не вел. Я иногда говорил, что раньше было уважение к нам, священникам, а сейчас смеются и презирают.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Протоиерей Михаил Богородский был расстрелян через несколько дней, 17 сентября 1937 года.

31 августа (13 сентября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИХАИЛ КОСУХИН

вященномученик Михаил родился 7 января 1858 года в селе Яренское Калязинского уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Косухина. Окончил Московскую духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. В храм села Дымцево Бежецкого уезда он был назначен в 1907 году и прослужил здесь до своего ареста.

В 30-х годах из родных у него остались братья, один из которых жил в Польше, другой – священствовал в Тверской области, и дочь-девица, которая и помогала престарелому отцу. До 1929 года о. Михаил имел хозяйство, состоявшее из лошади, коровы, трех десятин земли и пятидесяти семей пчел, но в том году все хозяйство и имущество было изъято, дом был отобран, и они с дочерью поселились в церковной сторожке. Самого священника власти тогда не арестовали и не выслали, полагая, что поскольку священнику уже за семьдесят лет, то он сам вскоре умрет или не в силах будет служить, и тогда храм все равно будет закрыт.

МАКСАТИХА

Этого, однако, не случилось – священник служил и служил, а его преклонный возраст и близость смерти придавали ему еще более решимости и дерзновения. И он не упускал ни одной возможности для проповеди. За эту ревность по Богу и о спасении душ вверенного ему Господом словесного стада прихожане любили его и готовы были всегда прийти к нему на помощь.

Власти, видя решимость и непреклонность священника, начали его преследовать. Пользуясь тем, что церковная сторожка, где жил о. Михаил, стояла за пределами церковной ограды, районный и областной исполкомы постановили выселить священника, отобрать у храма здание сторожки для размещения в нем ветеринарной лечебницы. Председатель Дымцевского сельсовета стал требовать, чтобы священник ушел из сторожки, он приходил к нему с этим требованием неоднократно, но о. Михаил всякий раз отвечал, что ни при каких обстоятельствах не покинет церковного здания.

Тогда в воскресенье, 25 марта, 1936 года председатель сельсовета велел выставить рамы в сторожке, и так как в это время на улице было еще очень холодно, то он надеялся, что священник сам уйдет из дома. Но этого не случилось. В тот же день о. Михаил после воскресного богослужения и проповеди сказал, что поскольку сельсовет вынул у него в доме рамы, то он обращается к прихожанам, чтобы они просили власти вернуть ему рамы, так как на дворе еще холодно.

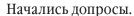
В храме в это время присутствовало около ста пятидесяти человек, и все они прямо из храма пошли к сельсовету. Председатель, напуганный идущей к сельсовету толпой, запер все двери и спрятался. Люди, найдя все двери запертыми, стали ходить вокруг дома и, зная, что председатель сельсовета находится внутри, кричали ему, чтобы он возвратил оконные рамы, но тот никаких признаков жизни из дома не подавал, и прихожанам пришлось в конце концов разойтись.

Рамы не были возвращены, но о. Михаил не ушел из церковной сторожки; прихожанам он говорил: «Я из дома никуда не пойду, я стар и ничего не боюсь». Выселить его из церковной сторожки насильно местные власти не посмели, и он с тем же бесстрашием продолжал служить и проповедовать. К Пасхе того же года за исправную службу он был награжден архиереем наперсным крестом.

Только через год, при наступлении повсеместных гонений, о. Михаил был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. Незадолго перед этим священнику исполнилось семьдесят девять лет; он тяжело болел и в течение нескольких месяцев не вставал с постели, передвигался только с помощью дочери. Приехавшие сотрудники НКВД, подняв за руки и за ноги, забросили его в машину и увезли в тюрьму. Вызванный для медицинского освидетельствования врач поставил диагноз: миокардит и, как следствие – отечность ног, полное отсутствие зубов, старческая дряхлость. К физическому труду тюремный врач признал его непригодным.

MAKCATUXA

- Какие проповеди и наставления Вы давали верующим, касающиеся Советской власти?
- Я верующим проповедовал часто, но о Советской власти и политике ничего не говорил.
- Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном вам обвинении о проведении Вами контрреволюционной деятельности?
- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.
- 2 августа следствие было закончено, и дело направлено на рассмотрение Тройки НКВД, которая 10 августа приговорила священника Михаила Косухина к расстрелу.
- В результате ли действий следователя Голофаста, который допрашивал о. Михаила, или тяжелых условий содержания в переполненной камере тюрьмы, но у священника оказалось сломанным левое бедро, он не мог ходить и не смог бы добраться до места расстрела. 16 августа по распоряжению администрации тюрьмы о. Михаил был переведен в бежецкую городскую больницу, где прожил, приговоренный к расстрелу, 29 дней и 13 сентября 1937 года скончался.

4 (17) сентября СВЯШЕННОМУЧЕНИК ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВСКИЙ

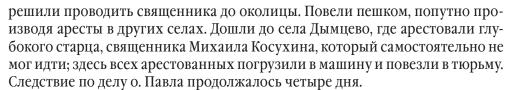
вященномученик Павел родился 22 июня 1881 года в селе Карабузино Калязинского уезда Тверской губернии в семье церковнослужителя Ивана Васильевского. Семья была большая – девять человек детей. Отец Павла умер, когда ему исполнилось пять лет, и его взял на воспитание дядя. Павел окончил духовное училище.

В 1916 году он был призван в армию и служил до 1918 года в 177-м Запасном пехотном полку, расквартированном в Новгороде. После демобилизации вернулся на родину и служил в храме псаломщиком, затем женился и был рукоположен в сан священника ко храму в селе Хобоцкое. Жена о. Павла, Анна Михеевна Михеева, была дочерью благочестивых крестьян, которые имели тринадцать детей и воспитывали еще одного – приемного. Желая помочь о. Павлу, тесть купил для его семьи дом. У о. Павла с матушкой родилось пятеро детей, но все они умирали в раннем возрасте, и жива осталась только младшая дочь Тамара. Впоследствии священник служил в Никольском храме села Добрынино Максатихинского района. Хотя его служение там было непродолжительным, прихожане успели полюбить своего пастыря. В 1937 году о. Павел был арестован. Его арестовали 6 августа в шесть часов вечера. Он только что вернулся с женой и дочерью из леса, где они собирали грибы и ягоды на зиму. Пришли трое сотрудников НКВД, перевернули весь дом, но ничего не взяли. Жене и дочери, несмотря на просьбы, не раз-

78

- Расскажите о Вашей антисоветской и контрреволюционной деятельности, спросил священника следователь.
- Антисоветской и контрреволюционной деятельностью не занимался, ответил о. Павел.
- Как Вы рассматриваете факт хождения по домам и сбора подписей для хождения с иконой в период весеннего сева?
- Факт срыва сева я отрицаю, если и был, так только в деревне Дубищи, так как мне там были разрешены хождения утром, и в некоторых домах колхозников остались взрослые, хотя о том, чтобы они остались, я их не просил. На следующий день, 10 августа, не выезжая из села, лейтенант войск НКВД закончил следствие, посчитав, что, несмотря на то, что священник не признал себя виновным, его виновность в антигосударственной деятельности доказана, и передал дело в Тройку НКВД, которая 13 сентября постановила священника расстрелять. Священник Павел Васильевский был расстрелян через несколько дней, 17 сентября 1937 года.

4 (17) августа МУЧЕНИКИ СИМЕОН И ДИМИТРИЙ ВОРОБЬЕВЫ

ратья Симеон и Димитрий родились в селе Ключевое Кашинского уезда Тверской губернии в благочестивой семье крестьянина Михаила Воробьева. Семен родился в 1871 году, а Дмитрий – в 1873-м, и во время гонений 1937 года им было за шестьдесят лет. Хотя братья и не были нарочито образованны, но были грамотны и весьма

начитанны в церковной литературе, с детства приучены к молитве и церковной службе. Оба брата служили в армии рядовыми: Семен с 1903 по 1907 год, а Дмитрий – в 1914–1915 годах. До революции братья имели небольшие крестьянские хозяйства: Семен – лошадь, корову и овцу, а Дмитрий – две коровы, две овцы и ветряную мельницу. Поскольку хозяйства были ничтожны, то во время революции и сразу после нее они не были отобраны, но положение изменилось в начале 30-х годов: тогда братья были арестованы, все их имущество конфисковано, а сами они сосланы вместе со своими семьями на Урал. У Семена было два сына – Николай одиннадцати и Михаил пяти лет, а у Дмитрия две дочери, четырнадцати и тринадцати лет, и сын одиннадцати лет. Через год им было разрешено вернуться на родину, но ни имущества, ни хозяйства им не вернули. Семен еще до ссылки был церковным старо-

• молоково •

стой в храме в селе Ключевое, и приехавший в село священник Александр Диевский предложил ему работать при храме сторожем, а его сына Николая научил петь и читать на клиросе, и вскоре он стал исполнять обязанности псаломщика. Дмитрий Михайлович, чтобы не умереть в родном селе с голоду, обзавелся кое-каким хозяйством.

Главное, что было в братьях, – это вера и великая любовь к храму, и поэтому, когда в село Ключевое был назначен священником о. Александр, он остановился и жил у братьев Воробьевых; эти благочестивые семьи были опорой прихода. Наступил 1937 год. 23 июля Дмитрий и Семен и сын его Николай были арестованы и заключены в Бежецкую тюрьму. Сразу же начались допросы, на которых виновными они себя не признали.

13 августа Тройка НКВД приговорила Семена и Дмитрия к расстрелу. Николай не был приговорен к расстрелу только из-за того, что ему было в то время семнадцать лет; его приговорили к 8 годам исправительно-трудового лагеря. Братья Симеон и Димитрий были расстреляны 17 августа 1937 года.

24 сентября (7 октября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПАВЕЛ БЕРЕЗИН

вященномученик Павел родился в 1866 году в селе Маковницы Софрониевской волости Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника Михаила Березина. Мы ничего не знаем о первоначальном его воспитании и образовании, но, по всей видимости, он окончил, как и большинство детей духовенства,

семинарию, после чего поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. Окончив университет, он вернулся на родину, в Тверскую губернию, и стал преподавать Закон Божий в Новоторжской учительской семинарии. Когда Павлу Михайловичу исполнилось тридцать семь лет, он был рукоположен в сан священника. С этого времени его жизнь была полностью посвящена церковному служению. Отец Павел, по свидетельству прихожан, был выдающимся проповедником и говорил проповеди за всеми церковными службами.

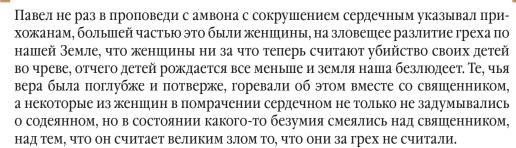
Отец Павел рано овдовел, и когда начались гонения, дети, будучи взрослыми, жили уже не с ним, и это дало возможность его сыну беспрепятственно получить образование в Ленинградском университете. В 1920-х годах о. Павел служил в Вознесенском храме села Котово Молоковского района, и в этом же селе, где было тогда несколько домов, он снимал комнату.

В 1929 году по распоряжению советских властей начался новый этап гонений на Русскую Православную Церковь, когда по всей стране закрывали православные храмы и арестовывали духовенство и мирян. Если свеча стоит на подсвечнике и светит всем в доме, то в периоды гонений противники Христа всегда стараются ее угасить, дабы свет не обличил, что дела их злы. Отец

80

Дом священника стоял неподалеку от школы, дети в селе и окружающих деревнях еще не были столь развращены, как в городе, у многих родители были глубоко верующими людьми и ходили с детьми в церковь. Некоторые просили у священника книги для чтения. Отец Павел давал им книги по Закону Божию, Священную историю Ветхого и Нового Заветов, сборники рассказов нравственного содержания. По прочтении дети возвращали книги и просили почитать другие, восполняя таким образом пробелы светского образования, враждебного тогда Церкви. Это продолжалось до января 1929 года, когда однажды директор школы, войдя в класс до начала занятий, увидела, что ученики с увлечением читают какие-то книги; такого еще не бывало. Это настолько поразило ее, что она несколько минут стояла молча, не зная, что сказать. Некоторые дети стали показывать книги, говоря: «Смотрите, Татьяна Васильевна, какие нам дали книги». Она стала отбирать книги, и, видя это, дети попрятали их под парты. Но директор настояла, чтобы книги отдали ей. Среди них была книга «Таинство святого причащения» и множество проповедей. «Откуда вы получили эти книги?» – спросила директор.

Дети ответили, что их им дал священник.

Отобранные книги она отправила секретарю волостной партийной ячейки с соответствующим сопроводительным письмом.

Узнав от детей о том, что директор отобрала у них книги, о. Павел пришел к ней в школу и сказал: «Эти книги принадлежат мне, и я прошу мне их и вернуть. Вы живите – как хотите, а я буду жить – как я хочу. У вас свое, а у меня – свое. Вы вот как воспитываете детей? Разве можно так воспитывать, что дети бегают у вас по церковной ограде и по могилам?»

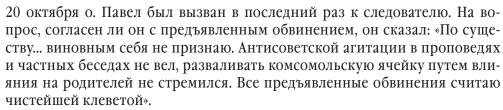
29 сентября 1929 года священник был арестован и заключен в камеру при Молоковском отделении милиции; на следующий день следователь допросил его. После допроса о. Павел был отправлен под конвоем в Бежецкую тюрьму, все небольшое имущество его было описано и изъято.

13 октября следователь ОГПУ составил текст постановления, в котором писал: «Рассмотрев следственный материал по делу, в коем они достаточно изобличаются в том, что вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв проводимых Соввластью кампаний... стремились развалить комсомольскую организацию путем угроз, влияния на родителей и так далее, постановил: привлечь Березина... в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение в антисоветской агитации».

В то время, когда обвиняемые находились в тюрьме, в газетах была развернута кампания против них. Одна из статей в газете «Бежецкая жизнь» кончалась словами: «Теперь, когда ведется следствие, когда в район выезжают рабочие бригады, надо принять все меры к тому, чтобы каленым железом выжечь осиное гнездо кулачья, попов и подкулачников.

Только при условии ликвидации кулацкой шайки и при условии широкого развертывания массовой работы, в частности – с беднотой, деревенские передовики смогут успешно вести свою работу по социалистическому устройству деревни.

Железная рука пролетарской диктатуры жестоко накажет тех, кто вредит нашему социалистическому строительству, тех, кто преступной рукою вырывает из наших рядов лучших борцов!»

В конце ноября 1929 года дело было направлено в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства. 13 января 1930 года Особое Совещание приговорило священника Павла Березина к высылке в северный край на три года. 23 марта священник этапом прибыл в один из северных лагерей, откуда его отправили в ссылку в город Мезень Архангельской области. Вернувшись из ссылки, он стал служить в храме в селе Котово.

Наступило страшное лето 1937 года. Советская власть решила покончить с христианством в России и закрыть к лету следующего года почти все церкви в стране. В соответствии с замыслом Сталина это должно было быть самым большим походом против Бога и Церкви.

Отца Павла, как и многих православных, такое решение Сталина обрекало на мученическую кончину. Он был арестован 27 июля 1937 года и заключен в краснохолмскую тюрьму.

13 августа следователь допросил священника.

- Расскажите о Ваших контрреволюционных проповедях среди верующих и чем Вы руководствовались.
- В своих проповедях я очень много говорил о том, что мы сейчас наблюдаем упадок нравственности, и в смысле нравственности мы находимся в ужасном, отчаянном положении; люди, видя такое положение, кончают жизнь самоубийством... Упадок нравственности есть результат упадка веры, а это все вместе ведет к физическому вымиранию людей.
- 3 октября Тройка НКВД приговорила о. Павла к расстрелу. Священник Павел Березин был расстрелян через несколько дней 7 октября 1937 года.

15 (28) февраля СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ МОРКОВИН

вященномученик Николай родился 15 мая 1889 года в селе Ильгощи Кашинского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Петра Морковина. В 1913 году он окончил Тверскую духовную семинарию и женился на девице Марии. Впоследствии у них родилось шестеро детей. В 1913 году Николай Петрович был рукоположен во священника ко храму в селе Петровское Кимрского уезда, затем, уже после революции, он был переведен ко храму в селе Лосево Горицкого района. В 1929 году священник с женой были арестованы по обвинению в отказе «от выполнения... общегосударственных заданий» и в сопротивлении «представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей» и отправлены в ссылку в Вологодскую область.

По окончании срока ссылки, в августе 1933 года, о. Николай вернулся в Тверскую область. Архиепископ Тверской Фаддей (Успенский) направил его служить в Вознесенский храм в село Вознесенье Кашинского района, где о. Николай прослужил до своего последнего ареста. Он был арестован 16 февраля 1938 года и заключен в тюрьму в городе Кашине.

19 февраля следователь, допрашивая священника, спросил:

- Вы обвиняетесь в систематическом проведении Вами среди колхозников контрреволюционной агитации, в сознательном противодействии проработке и изучению новой сталинской конституции СССР и положения о выборах в Верховный Совет СССР. Признаете себя в этом виновным?
- Предъявленное мне обвинение я отрицаю и виновным себя в нем не признаю, ответил священник.

На этом допросы и само следствие были закончены. 26 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Морковин был расстрелян 28 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

18 сентября (1 октября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР ЧЕКАЛОВ

вященномученик Владимир родился 10 июля 1880 года в селе Пухлимо Кимрского уезда Тверской губернии в семье священника Дмитрия Чекалова. Владимир окончил Духовную семинарию и был призван в армию, где служил в чине прапорщика; в 1904 году был уволен в запас. В 1908 году Владимир Дмитриевич был

рукоположен в сан диакона, а затем в сан священника и до конца жизни служил в храмах Тверской епархии.

В начале 1930-х годов он служил в храме в селе Васюнино Краснохолмского района. Когда началось гонение, от о. Владимира потребовали заплатить непосильный налог, произвольно назначенный председателем сельсовета и никак не сообразующийся с реальными доходами священника, что и стало поводом для изъятия всего его имущества.

Опасаясь дальнейших преследований властей, о. Владимир в июне 1932 года переехал в село Никитское Калязинского района, надеясь, что с нищего священника ничего не возьмут, но здесь от него потребовали, чтобы он подписался на заем в сто рублей. Одновременно ОГПУ стало собирать о священнике сведения, чтобы иметь возможность его арестовать, и дело кончилось тем, что 3 января 1933 года о. Владимир был арестован и заключен в Калязинскую тюрьму.

Начались допросы. Кое-кто показал, будто о. Владимир говорил: «Власти настроили каких-то колхозов, управлять ими не умеют, и все это происходит потому, что и вы, православные, отступили от Бога. Советская власть, додумавшись уничтожать крестьян, выдумала рыть канал, а это значит, что все близлежащие деревни к Волге будут сносить, а вас ссылать в отдаленные места». «Священник Чекалов в село Никитское прибыл в июне месяце 1932 года. В декабре Чекалов, говоря в церкви проповедь, коснулся слуха о сгноении картофеля в деревне Карповка. По этому вопросу он говорил: «Вот как жить без Бога? И всегда при Советской власти так будет происходить, сделали ни себе ни людям. Если бы не было колхозов, то такого количества сгноенной картошки не было, и нам тогда жилось бы лучше»».

Вызванный 9 января на допрос о. Владимир, отвечая на вопросы следователя, сказал:

– В сентябре, ходя по сбору хлеба по деревням, я прихожанам говорил: «Где я работал священником, на меня... наложили очень великий налог, я его не выполнил, так у меня отобрали все имущество, сюда переехал, и здесь... председатель сельсовета в обязательном порядке навязал займу на сто рублей, а где их мне взять, надо тоже отсюда удирать. Вот пришла жизнь, живи да мучайся, и все нас давит эта безбожная власть. Я это недовольство высказал потому, что у меня все отобрали. В приводимых же мне еще фактах антисоветской и контрреволюционной агитации виновным себя не признаю».

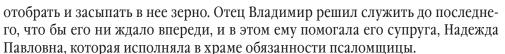
28 февраля Тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В 1936 году о. Владимир вернулся на родину в Тверскую область и стал служить в храме села Волкова. Положение приходских храмов теперь стало еще труднее, чем раньше, в начале 30-х годов. По всему было видно, что власти стремятся закрыть их все и под любым предлогом – будь то невыплата задолженности за аренду храма или не сделанный вовремя по требованию властей ремонт; в этом случае составлялся акт, что верующие не способны содержать храм в порядке или что он находится в аварийном состоянии, а прихожане не могут привести храм в порядок. В таком случае церковь могли

84

23 июля 1937 года председатель Волковского сельсовета и секретарь, который одновременно был в Волкове комсоргом, отправили начальнику районного отделения НКВД докладную записку. В ней они писали, что священник Владимир Дмитриевич Чекалов и председатель церковного совета Иван Михеевич Михеев «ведут антисоветскую пропаганду, как то: в первой половине июня 1937 года пускали брехню и объявляли это самое во время служения в церкви, якобы 20 июня сего года будет сильная гроза и побьет все хлеба, и колхозники останутся без хлеба, и побьет много народу, а предпосылок к тому, чтобы ожидать грозу, не было. В настоящее время церковь ремонтируется, несмотря на то, что она должна государству обязательных платежей на сумму 1679 рублей, и плюс к тому бросают реплику «назло Советской власти», то есть, хотя мы и должны обязательных платежей 1679 рублей, а церковь отремонтируем. Церковь ремонтируют, а деньги не платят.

Несмотря на предупреждение сельсовета не проводить собраний церковных советов без его разрешения, все же хоть нелегальным путем, но проводят...»

27 июля начальник районного НКВД приехал в Волковский сельсовет и предложил одному из подписавших донос, восемнадцатилетнему комсоргу, проследовать с ним в дом священника в качестве понятого для обыска и ареста последнего. При обыске нашли несколько писем, написанных знакомыми о. Владимира, которые и взяли. После обыска священнику было объявлено, что он арестован, а затем его доставили в Тверскую тюрьму.

В тот же день следователь допросил священника.

- Вы обвиняетесь в проводимой контрреволюционной агитации против партии и Советской власти.
- Контрреволюционной антисоветской агитации против партии и Советской власти я не проводил.
- Вы следствию говорите неправду. Следствие располагает достаточными материалами о том, что Вы среди населения проводите контрреволюционную агитацию против партии и Советской власти. Следствие требует от Вас дать показания по существу заданного вам вопроса.
- Повторяю, что с моей стороны никакой контрреволюционной агитации против партии и Советской власти я не проводил.
- Вы в мае месяце 1937 года, а затем в июле 1937 года среди населения проводили контрреволюционную агитацию против политики партии и Советской власти. Следствие требует от Вас показаний по существу заданного вопроса.
- В мае 1937 года и в июле 1937 года среди населения никакой контрреволюционной агитации против политики партии и Советской власти я не проводил.
- Признаете ли себя виновным в предъявленном Вам обвинении?
- Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и повторяю, никакой агитации не вел.

27 сентября Тройка НКВД приговорила о. Владимира к расстрелу. Священник Владимир Чекалов был расстрелян через несколько дней, 1 октября 1937 года.

18 сентября (1 октября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИХАИЛ СКОБЕЛЕВ

вященномученик Михаил родился 14 ноября 1887 года в селе Бикалиха Весьегонского уезда Тверской губернии в семье благочестивых крестьян Степана и Евдокии Скобелевых. Сердце верующего человека открыто свету просвещения, и родители Михаила, постаравшись дать ему хорошее образование, отдали его в учительскую школу в Новгороде. После ее окончания он решил избрать путь служения святой Православной Церкви. В 1910 году Михаил Степанович был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Рамешки, с которым оказались связаны впоследствии вся его жизнь и исповеднический подвиг. В начале 1918 года обозначилось с определенностью, что наступила эпоха гонений, конца которым не было видно, эпоха, небывалая для Русской Православной Церкви. И вот когда многие и многие уже приняли мученическую кончину и земля обильно обагрилась кровью священномучеников и мучеников, диакон Михаил в 1925 году принял рукоположение в сан священника ко храму, где пятнадцать лет прослужил диаконом.

В самом начале очередного этапа гонений, в 1929 году, о. Михаил был арестован, обвинен в неуплате налогов и приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и к пяти годам ссылки. Жестокие условия лагеря и ссылки не сломили волю священника, и в 1935 году он вернулся служить в свой храм в село Рамешки.

17 июля 1937 года о. Михаил был арестован, и под предлогом отсутствия священника храм был закрыт.

Сразу же после ареста он был препровожден в Тверскую тюрьму и здесь жестоко допрошен.

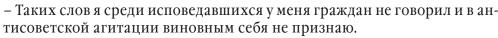
- Вы обвиняетесь в систематической антисоветской агитации, направленной на подрыв существующего строя. Признаете ли себя в этом виновным? спросил следователь.
- Виновным себя не признаю, ответил о. Михаил.
- Ваши показания неверны, так как 28 ноября 1935 года, во время исповеди, Вы вели агитацию против колхозов, призывая колхозников выходить из колхозов. Признаете ли себя виновным?
- Среди верующих на исповеди я никакой агитации против колхозов не вел и виновным себя не признаю.
- В этот день среди исповедавшихся граждан Вы вели пораженческую антисоветскую агитацию против существующего строя и его руководителей. Признаете ли себя виновным?

86

27 сентября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Священник Михаил Скобелев был расстрелян 1 октября 1937 года.

31 октября (13 ноября) СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСИЙ СИБИРСКИЙ

В о исполнение приказа Сталина об аресте духовенства и мирян Русской Православной Церкви, которая, по существу, была определена как антисоветская, а следовательно, и антигосударственная организация и в таковом качестве подлежала уничтожению, в течение августа—сентября 1937 года было арестовано все ду-

ховенство Ново-Карельского и соседнего Козловского районов Тверской области, многие старосты, члены церковных двадцаток и православные миряне, независимо от того, были ли они председателями колхозов, рядовыми колхозниками или остались в единоличных хозяйствах.

В то время к подследственным применялись беспощадные пытки, и некоторые из арестованных под воздействием мучительных телесных страданий оговаривали себя и других и подписывали протоколы, которые были составлены следователями; но не все соглашались на это. Одним из таких мужественных пастырей был священник Алексей Сибирский.

Священномученик Алексий родился 17 марта 1870 года в селе Козлово Тверской губернии в семье священника Василия Сибирского. По окончании Тверской духовной семинарии был рукоположен в сан священника ко храму родного села, где прослужил всю свою жизнь до мученической кончины. На его глазах в 1918 году произошла беспощадная расправа большевиков над крестьянами, заступившимися за Церковь Божию в селе Николо-Гнездово. Он помнил, какими торжественными были похороны первых тверских мучеников нашего века – православных мирян Петра Жукова и Прохора Михайлова. В 1929 году о. Алексия арестовали за то, что он не смог вовремя выполнить план хлебозаготовок. На выполнение этого плана власти давали всего двадцать четыре часа, и поскольку священник не успел за это время привезти хлеб на хлебосдаточный пункт, то был арестован и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь и двум годам ссылки, а все его имущество, включая личные вещи, было конфисковано.

По возвращении о. Алексия из ссылки архиепископ Фаддей (Успенский) назначил его священником в село Козлово и определил благочинным. Власти искали повод, чтобы вновь арестовать священника. Во время весеннего сева в 1936 году кто-то донес, что священник молился в храме «за стахановскую весну», что было расценено властями как нарушение закона об отделении Церкви от государства. Отец Алексий немедленно был вызван для объясне-

спирово •

ний в районное управление НКВД. Священник сказал, что «за стахановскую весну» он не молился, а молился об изобилии плодов земных, и эти слова были взяты им из служебника. Много раз вызывали священника в сельсовет в связи с тем, что благочестивое местное население неоднократно подавало властям прошение — разрешить ходить по домам с молебнами и иконами. 29 августа 1937 года НКВД арестовал священника, и он был заключен в Тверскую тюрьму. Несмотря на беспощадные допросы с применением пыток, о. Алексей держался мужественно и отрицал все возводимые на него следователями напраслины.

11 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила благочинного храмов Козловского благочиния священника Алексея Сибирского к расстрелу. Он был расстрелян через день после постановления Тройки, 13 ноября 1937 года. Вместе со священником были расстреляны лжесвидетельствовавшие о нем, о себе и других, те, кто не смог вынести тягот следствия.

16 (29) декабря СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР ДАМАСКИН

вященномученик Владимир родился 27 февраля 1870 года в городе Торжке Тверской губернии в семье псаломщика Николая Дамаскина. Последние годы жизни его отец служил в селе Георгиевское Новоторжского уезда; скончался в 1914 году. Вскоре после рукоположения о. Владимир был направлен в храм села Островно Удомельского района, где прослужил большую часть жизни. Во время гонений в 1930 году местные власти арестовали его, но, продержав два с половиной месяца в заключении, отпустили, и он снова стал служить в своем храме.

В августе 1937 года Сталин принял решение об аресте и расстреле всех тех, кто, с его точки зрения, был враждебен Советскому государству и безбожной идеологии. Представители НКВД потребовали от местных властей, и в частности от председателей сельских советов, донесений на живущих в их селах. Так появились доносы о том, что о. Владимир собирает подписи верующих, надеясь отстоять храм от закрытия, и, ходя по селам, говорит, что созданные колхозы – это кабала для крестьян и колхозников заморят голодом. Они доносили, что еще в 1932 году о. Владимир под видом церковной службы собрал в храме крестьян, которые затем в количестве трехсот человек отправились к сельсовету, намереваясь изгнать его председателя. Писали, что священник занимался антисоветской деятельностью, которая заключалась в том, что он ходил по селам и справлял службы в избах, «а также демонстративно, в полном облачении, шел по деревенской улице вслед за гробом умершего крестьянина», что священник, узнав, что на одном из колхозных собраний было постановлено закрыть храм, срочно собрал церковную двадцатку, чтобы обсудить с ней, как отстоять церковь. От имени двадцатки был послан по селам с подписным листом пятнадцатилетний подросток, который вписывал фамилии тех, кто был неграмотен

и не мог расписаться (что власти попытались истолковать как фальсификацию подписей). «В настоящее время ставится важный вопрос, – сообщал председатель сельсовета в своем заявлении, – к двадцатилетию годовщины Великой пролетарской революции закончить обработку и сдачу льноволокна государству. Владимир Николаевич Дамаскин так ставит свое дело, чтобы сорвать этот важный вопрос. Он 31 октября объявляет в церкви, чтобы православные приходили в храм, где до 7 ноября службу будет проводить три раза, тем самым он отвлекает массу от обработки льна. Считаю, что необходимо принять соответствующие меры к Дамаскину как к антисоветскому элементу».

22 декабря священника арестовали и заключили в Бежецкую тюрьму. Он был стар, почти слеп из-за катаракты; произведенное на следующий день медицинское обследование установило порок сердца, эмфизему легких, и врачи вынуждены были признать, что по состоянию здоровья он является инвалидом. В тот же день были допрошены свидетели, некоторые из них писали ранее жалобы и донесения на о. Владимира. Вечером исполняющий обязанности начальника Удомельского НКВД допросил священника. Допрос занял около часа, столько понадобилось времени, чтобы заполнить лист допроса анкетными данными и записать ответы. Следователь спросил:

- Следствию известно, что Вы, проживая в селе Островно, на протяжении ряда лет вели среди населения антисоветскую агитацию. Подтверждаете ли Вы это?
- Нет, не подтверждаю, никакой антисоветской агитации я не вел и виновным себя в этом не признаю.
- Следствию известно, что еще в 1932 году Вы собрали в церкви верующих и устроили затем около сельсовета митинг с требованием отмены налогов. Подтверждаете ли Вы это?
- Нет, не подтверждаю, верующих я не собирал и никаких митингов не устраивал.
- Следствию известно, что в августе сего года во время проповеди в церкви Вы говорили, что скоро наступит время, когда будет введена хуторская система, чему залог война с Японией. Подтверждаете ли Вы это?
- Нет, не подтверждаю, проповедей я не читаю и антисоветской агитации в церкви никогда не вел.
- Следствию также известно, что, посещая колхозников, Вы говорили: «Советская власть скоро должна рухнуть, и мы тогда покажем коммунистам, как над нами издеваться». Признаете Вы себя в этом виновным?
- Нет, виновным себя в этом не признаю, подобных разговоров у меня с колхозниками никогда не было.
- Вы обвиняетесь в том, что систематически вели антисоветскую агитацию среди населения и призывали его к свержению Советской власти. Признаете Вы себя в этом виновным?
- Нет, виновным себя в этом не признаю.

В тот же день следователь составил обвинительное заключение, в котором были повторены все лжесвидетельства. Сам он его составил, сам постано-

• УДОМЛЯ •

вил направить следственное дело в Тройку при НКВД, сам же с таким решением и согласился. Это было время, когда верховная власть требовала вершить подобные дела с наивозможной жестокостью. Уже через несколько дней, 27 декабря, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Владимир Дамаскин был расстрелян 29 декабря 1937 года.

14 (27) ноября СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ДИМИТРИЙ БЕНЕВОЛЕНСКИЙ

вященномученик Димитрий родился 10 октября 1883 года в городе Вышнем Волочке Тверской губернии в семье священника Михаила Беневоленского. Дмитрий Михайлович учился сначала в Тверской, а затем в Санкт-Петербургской духовной семинарии, которую окончил в 1909 году, после чего поступил на должность

учителя при Николо-Столпенском монастыре Тверской губернии.

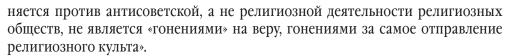
В 1911 году умер священник в селе Островно, и приход остался без пастыря. Дмитрию Михайловичу было предложено принять сан священника. В том же году он обвенчался с дочерью Ивана Алексеевича Тихомандрицкого Анной, которой было шестнадцать лет. Ее отец был инженером-путейцем и занимался строительством приволжской железной дороги. Семья была благочестивой; один из сыновей, Михаил, стал священником, а две другие дочери не вышли замуж и посвятили свою жизнь воспитанию приемных детей и детей родственников. 21 ноября 1911 года Дмитрий Михайлович был рукоположен в сан священника к Дмитриевской церкви села Островно Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Став священником, о. Дмитрий все свои силы и время отдавал делу церковного служения. Понимая, какое значение имеет для храма хор, участвующий в большей части богослужения, имеющий, кроме прочего, миссионерское значение, он со тщанием подбирал певчих и организовывал прекрасное церковное пение. Несмотря на то что приход не был богат, о. Дмитрий заказал отлить для храма новый колокол, отдав для этого свое столовое серебро. В 1919 году о. Дмитрий был переведен в Троицкий храм села Паношино Вышневолоцкого уезда. Сюда к нему приехал его отец, священник Михаил Беневоленский, который здесь и скончался и был похоронен в Удомле.

В январе 1929 года властями был разработан документ о необходимости усилить гонения на Православную Церковь. В нем говорилось, что некоторые советские администраторы считают для себя невозможным применение репрессивных мер по отношению к церковным организациям, между тем как церковные организации «являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы». В документе давалась рекомендация местным властям, чтобы одновременно с применением административных мер по отношению к духовенству и верующим они проводили идеологическую работу, разъясняя, «что административная мера приме-

90

Действие принятого центральной властью указа об усилении гонений сказалось на всех приходах Русской Православной Церкви. Не миновало оно и приход села Паношино, где служил о. Димитрий, и уже 16 января 1929 года он и староста храма Александр Щеголев были арестованы.

Отец Дмитрий был обвинен в том, что совершил 28 октября 1928 года торжественное богослужение «с целью, – как было сказано в обвинении, – возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем материальных выгод». Старосту обвинили в том, что он помогал священнику устроить торжественное богослужение.

Исстари в этих местах сложилась традиция: в конце октября ходить по селам с иконой Николая чудотворца, которую приносили монахи из Николо-Теребенского монастыря. В село Паношино крестный ход с иконой прибывал 28 октября. В этот день торжественно служился перед образом молебен, а затем с иконой и молебнами ходили по домам. В конце 20-х годов власти стали закрывать последние монастыри, и хотя в октябре 1928 года монахи в Николо-Теребенском монастыре еще служили, но по округе стало известно, что в этот год они с иконой не пойдут, ожидая закрытия монастыря.

Прискорбно было для верующих нарушить древнюю традицию и отказаться от крестного хода. В Троицком храме хранилась чтимая икона Николая чудотворца, которую передали сюда еще в 1925 году из закрытого тогда в Вышнем Волочке Казанского монастыря.

В октябре 1928 года состоялось заседание приходского церковного совета, на котором староста храма предложил сохранить традицию крестного хода и молебна перед иконой святителя Николая. Отец Дмитрий дал на это свое благословение и со своей стороны пожертвовал для иконы киот. Для большего удобства были сооружены носилки.

28 октября состоялся крестный ход с иконой Николая чудотворца, причем все было совершено с такой торжественностью и благоговением, с таким религиозным подъемом, что не осталось и следов того тяжелого переживания, которое охватило было души благочестивых крестьян, когда они узнали, что крестного хода с иконой из монастыря не будет.

Случись это в иное время, все осталось бы без последствий, но власти как раз приняли решение об усилении гонений, и в середине января 1929 года в местной газете появилась статья, где говорилось, что священник в селе Паношино решил устроить крестный ход и не получил на это отпор местных властей, хотя вместо иконы Николая чудотворца из Николо-Теребенского монастыря паношинские верующие принесли свою икону, с которой и ходили. «Всяк об этой проделке знал, – писалось в газете, – ячейка ВКП(б) знала. Все знали, но мер против такого безобразия не приняли... А паношинский поп речь верующим загнул: «Не попадайтесь, овцы, в волчьи зубы...»

Волками он называл удомельских культурников, виковцев и партийцев. Сейчас, когда деревня выбирает советы, нужно зорко следить за поповскими проделками».

После появления статьи о. Дмитрий и староста были арестованы и заключены в Тверскую тюрьму. За девять лет служения в Паношине о. Дмитрия прихожане полюбили его и теперь стали ходатайствовать о его освобождении. Был собран сельский сход, который постановил: «Мы, граждане села Паношино... в количестве тридцати двух человек, бывших на сельском сходе... имели суждение об аресте настоятеля храма села Паношино священника Дмитрия Беневоленского и церковного старосты гражданина села Паношино Александра Щеголева, последовавшего вследствие обхода священником села Паношина в октябре прошлого года с иконой Николая чудотворца, взятой из местного храма, в память дня прихода чудотворной иконы того же угодника из монастыря Николая Теребени, которая в истекшем году в обход селений не ходила.

Народ обсудил означенный вопрос и принял во внимание, что инициатива этого обхода с иконою принадлежала церковному совету села Паношино и была произведена исключительно по желанию верующих, но никак не по инициативе церковного старосты гражданина А.В. Щеголева и священника Беневоленского, и что священник Беневоленский совершил означенный обход единственно по желанию верующих, что подтверждается тем, что перед обходом священник Беневоленский вначале совершенно отказывался от обхода и лишь после усиленных просьб прихожан объявил последним о своем отказе от уплаты ему... какого-либо вознаграждения за эти молебны. И действительно, им ни от кого не было взято ничего за эти службы.

На основании изложенного сход постановил возбудить ходатайство перед властями об освобождении священника Беневоленского и гражданина Щеголева из-под ареста как основанного на неправильных данных. В случае необходимости поручительства все нижеподписавшиеся граждане дают свое поручительство как за священника Беневоленского, так и за гражданина Щеголева».

23 января 1929 года следователь допросил священника. На вопросы о. Дмитрий ответил, что крестный ход был устроен для поддержания религиозного чувства, а также чтобы материально поддержать храм, но сам он от платы за выполнение треб отказался, и «служба проведена по всему селу бесплатно».

Следователь, цитируя газетную заметку, спросил о. Дмитрия, кого он имеет в виду под волками. Священник ответил: «В проповеди своей, произнесенной 26 ноября 1928 года в церкви села Верескуново, я действительно говорил: «не попадайтесь, овцы, в волчьи зубы» и разъяснял, что волки – это сектанты, которые ходят по селениям днем и ночью, вербуя крестьян в свою общину».

Спросили на допросе и старосту Александра Васильевича Щеголева, о чем проповедовал священник в храме? Он ответил: «В проповедях Беневоленский говорил о борьбе с пьянством, хулиганством и сектантством; другого в проповедях ничего не говорил».

02

29 января дело было передано в суд Вышневолоцкого уезда, и 16 апреля состоялось заседание. Секретарь суда записал: «Подсудимый Беневоленский Дмитрий Михайлович виновным себя в предъявленном обвинении не признал и по существу дела пояснил: «Когда стало известно, что хождения из Теребени с иконой не будет, то верующие прихожане стали просить меня произвести таковое богослужение со своей местной иконой 28 октября 1928 года по примеру прошлых лет. По просьбе прихожан мною была взята из церкви икона Николая чудотворца, которую подновили, и по постановлению совета церкви 28 октября производили богослужение. Носить так икону было нельзя, и были сделаны носилки. Икона под икону Теребенской не подделывалась, и она внешне не походила на нее. Население весьма было довольно хождением, и возражений со стороны верующих не было. Хождение Теребенской иконы продолжалось годами. Платы за хождение я с населения не брал. Хождение было с целью поддержания веры...»

Подсудимый Щеголев Александр Васильевич виновным себя не признал, подтвердил, что по селу Паношино икона Николая из Теребени ходила лет 60 подряд из года в год. В нынешнем году стал ходить слух, что с иконой из Теребени ходить не будут. Недели за две до времени хождения Теребенской иконы ко мне стали ходить верующие (фамилии их назвать не могу, так как забыл) и просили меня просить священника, чтобы произвести хождение со своей иконой... Икона была обновлена, и с нею ходили по селу Паношино по примеру хождения в прошлые лета Теребенской иконы».

Выступивший в конце судебного заседания адвокат сказал: «Суд в данном случае не судит за то, что они верующие, за то, что они молятся, но основным моментом им инкриминируется подделка иконы с целью извлечения материальной выгоды и возбуждения суеверия в массах. По показаниям же свидетелей мы ясно видим, что сходства совершенно между иконой, оборудованной подсудимыми, и иконой монастырской никакого не было. Теперь переходим к обману; такового также не было, так как все верующие отлично знали, что эта икона из местной церкви, и их никто не убеждал, что эта икона из монастыря, а потому вопрос совершенно отпадает, что они хотели возбудить суеверие в массах. Собранные подарки, которые добровольно жертвовали верующие, совершенно ничтожны, и отсюда извлечения материальной выгоды нет. Рассматривая их проступок, то есть содеянное, мы видим, что преступного в деяниях подсудимых совершенно нет. Правда, религия – дурман и вредит общественности, но ведь наш закон разрешает им свободно веровать. Ввиду отсутствия в деянии подсудимых состава преступления прошу вынести оправдательный приговор». Суд, однако, счел обвиняемых виновными и приговорил священника к штрафу в размере ста рублей, а старосту к шести месяцам заключения. В начале мая 1929 года о. Дмитрий и Александр Щеголев подали кассационную жалобу, где подробно обосновали свою невиновность, но приговор был оставлен в силе. Гонения продолжались, а в конце 1929 года – начале 1930 они ужесточились; местные власти снимали колокола, закрывали церкви, ОГПУ арестовывало

священников. Сами действия по закрытию храмов зачастую были приурочены к празднику Рождества Христова.

4 января 1930 года правление колхоза в селе Паношино постановило начать кампанию по закрытию храмов в селах Паношино и Николо-Стан. На следующий день председательствующий на этом собрании член правления Вихров, проходя по селу, с насмешкой говорил женщинам, что 9 января будет снимать с паношинской церкви колокола.

В сочельник, 6 января, руководство колхоза устроило расширенное заседание членов колхоза, на котором присутствовали, однако, не все колхозники, а кого власти сочли нужным позвать, чтобы провести желательное для себя решение. На собрании обсуждался вопрос о необходимости приобретения для колхоза трактора и изыскании для этого средств, которые можно было бы получить, по уверению правления колхоза, если снять с церкви колокола. 7 января, в самый день праздника, член правления Семен Вихров и колхозные активисты Иван и Татьяна Голубевы пришли в храм во время рождественского богослужения и, став посреди храма, начали кричать:

– Нам церковь не надо! Звону тоже не надо! Давайте снимем колокола! Мы вам все рано служить не дадим!

Прихожане ответили им:

– Церковь наша, так что вы сюда не мешайтесь, – и, обращаясь к священнику, сказали ему, – а Вы, батюшка, служите.

Тогда вошедшие приступили к священнику и стали кричать:

- Мы Вам служить не дадим, мы сейчас Вашу церковь закрываем!
- У вас есть разрешение РИКа на закрытие церкви? спросил о. Дмитрий. Разрешения не оказалось, и безбожникам на этот раз пришлось удалиться. Однако весть о том, что безбожники намерены закрыть храм и уже приходили в день праздника Рождества Христова, облетела все деревни прихода, и поскольку Семен Вихров сказал, что они собираются закрыть храм 9 января, то к пяти часам вечера этого дня в село Паношино пришла толпа около двухсот человек, в основном женщины, которые стали требовать, чтобы было проведено общее собрание по вопросу закрытия храма. В дом Вихрова была послана делегация, которая потребовала от него, чтобы он пришел на собрание. Увидев, что собравшиеся не отступятся от своих требований, он вместе с ними пошел в село Удомля, где был расположен клуб и куда пришли представители местных властей. Власти сделали попытку начать обсуждение, но с тем, чтобы непременно склонить верующих к согласию снять колокола и закрыть храм. Но как только ставился этот вопрос, собравшиеся заявляли решительно и непримиримо:
- Не хотим обсуждать закрытие церкви и не дадим ее закрывать!

На следующий день член правления колхоза Вихров и местный коммунист, в доме которого снимал комнату о. Дмитрий, написали в Удомельское ГПУ заявление. Они писали, что дом священника является центром для всех верующих района, что каждую ночь у него кто-нибудь ночует из верующих, каждый день он кого-нибудь принимает и угощает трапезой. Хозяин дома в пись-

94

ме заявлял, что как-то спросил священника о его дальнейших планах, намеревается ли он и дальше оставаться священником или примет новый порядок и снимет сан? «На это о. Дмитрий ответил: «Я убежден в правоте своей веры и священнического сана никогда не сниму!» – «Значит, вам нужен старый царский строй, вы прямо за него, раз так». Он говорит: «Да». Я прошу вас данное мое заявление проверить и сделать надлежащий вывод: убрать его к «свои»».

Вскоре после этих событий, 5 февраля, о. Дмитрий был арестован. В тот же день были арестованы староста храма Иван Ильич Колокольцев и священник села Новый Стан о. Павел Богоявленский. Его обвинили в том, что он на собрании церковного совета посмел публично объявить, что сельсовет дал ему задание сдать излишки хлеба. Однако никаких излишков у него нет, и о. Павел просит помочь ему, ибо если он не сдаст хлеб, то будет отдан под суд. Кроме того, о. Павла обвинили в том, что он, узнав о намерении властей закрыть храм, объявил об этом во время богослужения верующим. Между тем безбожники устроили собрание в здании школы, чтобы принять решение о снятии колоколов и закрытии храма. На это собрание пришло более трехсот верующих. Увидев толпу, секретарь местной партийной ячейки бежал из школы черным ходом.

Иван Колокольцев обвинялся в том, что он противился закрытию храма и занимался антисоветской агитацией, которая заключалась в том, что он говорил: «Русский народ жив, вера еще есть, пусть посмотрят».

В марте обвиняемые были допрошены. Никто из них не признал себя виновным. 25 апреля 1930 года Тройка ОГПУ приговорила священника Павла Богоявленского к трем годам ссылки в северный край. Наказание было условным, и он был освобожден. Священник Дмитрий Беневоленский и Иван Колокольцев были сосланы на три года в северный край.

В мае 1933 года закончился срок ссылки; о. Дмитрий вернулся домой и был определен архиепископом Фаддеем в храм села Синево-Дуброво Сонковского района. Но не долго ему пришлось здесь прослужить. Летом 1937 года поднялась снова волна гонений, и 12 ноября священник был арестован.

20 ноября о. Дмитрия вызвали к следователю для заполнения анкеты, а на следующий день – на допрос.

- Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной деятельности, направленной на срыв колхозного строительства. Подтверждаете ли Вы это? спросил его следователь.
- Нет, виновным себя не признаю. Антисоветской агитации не вел, ответил священник.

В этот же день помощник оперуполномоченного составил обвинительное заключение и отправил его на рассмотрение Тройки, которая 25 ноября вынесла постановление расстрелять священника. Протоиерей Дмитрий Беневоленский был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в братской могиле. Место его погребения было скрыто властями и до сего дня остается неизвестным.

- • содержание • -

БЕЖЕЦК

4
14
17
18
21
25
29
32
33
37
38
40
41
43
43
44
46
47
48
49
50
51
53
54

• СОЛЕРЖАНИЕ

ВЕСЬЕГОНСК

Священномученик Петр Титов	57
Священномученик Феодор Беляев	59
КРАСНЫЙ ХОЛМ	
Священномученик Александр Талызин	62
Преподобномученик Макарий Миронов	63
Мученик Сергей Бородавкин	64
ЛИХОСЛАВЛЬ	
Преподобноисповедник Сергий (Сребрянский)	65
Мученики Петр Жуков, Прохор Михайлов и иже с ними	74
МАКСАТИХА	
Священномученик Михаил Богородский	75
Священномученик Михаил Косухин	76
Священномученик Павел Васильевский	78
Мученики Симеон и Димитрий Воробьевы	79
молоково	
Священномученик Павел Березин	80
РАМЕШКИ	
Священномученик Николай Морковин	83
Священномученик Владимир Чекалов	83
Священномученик Михаил Скобелев	86
СПИРОВО	
Священномученик Алексий Сибирский	87
Священномученик Владимир Дамаскин	88
удомля	
Священномученик Димитрий Беневоленский	90

АРХИМАНДРИТ ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ)

новомученики и исповедники бежецкой епархии

Издание второе, дополненное

Под общей редакцией епископа Бежецкого и Весьегонского Филарета

Ответственный за издание: протоиерей Анатолий Симора

Издательство: Творческая мастерская Людмилы Юга

Оформление: народный художник РФ Л. Юга Верстка: К. Петушкова Допечатная подготовка: Н. Погорелов Корректор: Е. Ганюшкина

Подписано к печати: 12.12.2021 Печать офсетная. Гарнитура: GaramondBookNarrowC Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»

